

Дмитрий Власов

Витражи конца ЭПОХИ

Сборник рассказов

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Дмитрий Власов

**Витражи конца эпохи.
Сборник рассказов**

«Автор»

2000

Власов Д. В.

Витражи конца эпохи. Сборник рассказов / Д. В. Власов —
«Автор», 2000

Эта книга написана в последнем десятилетии двадцатого века. Её герои и реальные, и фантастические, и сказочные. Родом из настоящего, глубокого прошлого и далёкого будущего. Выходцы из разных стран и сословий. Но все они - витражи великой противоречивой эпохи. Они живут и умирают, любят и ненавидят, находят и теряют. Каким был двадцатый век? Он был страшным и в то же время ярким. Он был веком поиска смыслов. Он был веком и трагедии, и одновременно торжества маленького человека. О таких маленьких и таких больших людях эта книга. Хотите дать волю воображению и чувствам? Задуматься и поразмышлять? Погрустить и посмеяться? Всё в этой книге! Интересного Вам и приятного чтения. В рассказах использованы стихотворения автора. Содержит нецензурную брань.

© Власов Д. В., 2000

© Автор, 2000

Содержание

Посланец разума	5
Плазма	20
Прогулка над бездной	27
Зло	35
Магнит	43
Париж, июль	47
Страна Оранжевого Льва	52
Контакт	55
Бабочка	61
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Дмитрий Власов

Витражи конца эпохи. Сборник рассказов

Посланец разума

Борис Алексеевич Каверзнев, невысокий крепкий мужчина семидесяти четырех лет (язык не поворачивается сказать – старик) утром, не слишком ранним, вышел на любимое свое место возле кострища в самом дальнем углу сада. Там высилась древняя исполинская береза с расщепленным молнией стволом, да вольно произрастал кустарник смородины, за которым никто не ухаживал. Подойдя ближе, он по привычке взглянул на угол забора, и настроение его явно испортилось.

– Ну, блин, достали, хоть железом от них огораживайся, – обращаясь к самому себе, недобро нахмурив брови, произнес Борис Алексеевич. – Какого же черта им надо?

Участок Бориса Алексеевича, расположенный в одном подмосковном поселке при городе-спутнике, назовем его, по аналогии с классиками, Н-ск, раскинулся на без малого тридцать соток. Территория изрядно заросла некультурными растениями, но в целом хозяином была ухожена, любовно возделана, убрана и благоустроена. Только в глубине, там, где две плоскости покосившегося черного забора пересекаются под острым углом, царил беспорядок – здесь Борис Алексеевич не работал, ничего не окультуривал, просто отдыхал. Жег прелые листья, разный мусор, принимал друзей, и в одиночестве часто сиживал на полусгнившем стуле, глядя на огонь и поднимающийся к самым верхушкам столетних деревьев сизый дым. Ему было хорошо здесь, среди крапивы, высокой, как бамбук, рядом с самым старым на участке деревом, на окраине его мира, бескрайнего, как у любого человека, в стране, где о простом, не скачущем по телеэкранам представителе населения все давно уже забыли, а он, каналья, все чего-то требует, всё живет и живет...

Однако, в последнее время, примерно месяц назад, стал Борис Алексеевич замечать, что на его территорию вторгаются по ночам, летом, незванные гости. То пустую бутылку он в кустах находил, то окурки сигареты не пользующего им сорта, то вообще непотребные изделия... Кто-то повадился пировать на его кострище, прожигать на его любимом пяточке почти дикой природы молодость эпохи социалистического декаданса. Бориса Алексеевича это обстоятельство, конечно, раздражало, и пару раз он устраивал засады с ремнем и дубиной за кустами смородины, но никого не прищучил. То ли гуляки нутром чувствовали, что их ждут, то ли ему не везло, но две ночи он провел в темной влажной тишине сада напрасно. В конце концов, Борис Алексеевич смирился, успокоился. Огороды не грабили, сарай не вскрывали, аккуратно тушили огонь после ночных оргий – пусть бесятся, время такое, спасибо, что из пулемета по окнам не сядят...

Но в этот раз он конкретно рассердился. Леня им, видишь ли, стало через забор перелезть! Взяли, гады, и две широких доски выломали. В заборе, у самого угла, зияла огромная, светлая на фоне черного старого дерева, бесстыдная дыра.

– Ну, блин, – еще раз произнес Борис Алексеевич, качнув головой, и отправился в дом.

Он вернулся на потухшее кострище, держа в руке бутылочку изобретения господина Смирнова, ноль тридцать три литра волшебного напитка, и маленький граненый стаканчик. Под мышкой он сжимал целлофановый пакет с куском замечательного, недавно приобретенного свежего сала, и полбуханки черного хлеба.

Борис Алексеевич вонзил в землю покосившиеся ножки старого стула, разложил на маленьком раскладном столике, на чистой оберточной бумаге, хлеб, сало, нож. Не спеша, основательно, откупорил бутылку, наполнил стаканчик, нарезал сало. С досадой взглянул на про-

реху в заборе. Он обязательно заделает ее, быстро и качественно, но чуть позже. Сейчас он будет снимать стресс, отдыхать. Жена уехала на базар и вернется к обеду, если не позже, кот накормлен, и никто не сможет помешать ему.

Он выпил, с аппетитом закусил, посидел, глядя в расщелину, повторил. И, как всегда, когда Борис Алексеевич расслаблялся так в одиночестве, на него нахлынули воспоминания, которые все реже посещали его в другое время, но все ярче становились в минуты российского катарсиса. Он смотрел на угли потухшего костра, на некрасивую, изъеденную ospой времени березу, на кусты смородины, но видел совсем не то. Он вспоминал жизнь, о которой никто не знал и даже не догадывался, которую он сам, с годами, считал чем-то сродни болезни, бредом одиночества. Действительно, странные у него были воспоминания...

Это была не Земля. Розовое небо, оранжевые и голубые растения вокруг, четырехкрылые птицы, поющие незнакомо, но так же необыкновенно, как здесь. Дома, похожие на деревья с набухшими почками, и в каждой почке жили разумные существа с его родины, далекой планеты с непроницаемым ни на одном из земных языков названием из созвездия Козерога. Загадочные женщины того мира, которых он не знал, не успел узнать. Вот он идет, юноша, по бледно-желтой дороге прозрачного исполинского города, вдыхает наполненный молодостью и свободой свежий воздух, не испорченный выхлопными газами и отходами никому не нужных производств, и впереди – вечность, наполненная любовью, жаждой открытий, путешествиями к иным, диким, противоречивым, лишенным гармонии, но таким притягательным мирам. Он умолял отца добиться того, чтобы его, еще мальчика, взяли на борт звездолета, который должен был отправиться в 6231 по местному летоисчислению году к Земле, неказистой маленькой планете, цепляющейся, как дитя, к угасающей, немощной звезде по имени Солнце, как ее называют сами земляне. Зелено-синяя планета никогда не вызывала особого интереса у ученых. Много лет назад на расстоянии был исследован ее физико-химический состав, профессора определили уровень развития ее биологической массы, в том числе, наделенной разумом. Этот уровень посчитали крайне низким, и решением сената дальнейшие исследования были заморожены лет на триста-четыре по земному исчислению.

Но однажды в королевской лаборатории, изучающей внешние энергетические излучения, были зарегистрированы сильнейшие импульсы отрицательной энергии, исходящие от неразвитой, крошечной планеты Земля. Ученые не придали этому факту большого значения и ограничились несколькими заметками в специализированных эфирных (говоря земным языком, виртуальных) журналах. Все бы ничего, но в королевских лабораториях, следящих за здоровьем граждан, вдруг стали замечать, основываясь на не подлежащих сомнению фактах статистических наблюдений, что отрицательная энергия, излучаемая Землей, стала не лучшим образом сказываться на здоровье обитателей всего созвездия. Несмотря на прогрессивную медицину, аборигены галактики не только стали болеть, но и умирать! Участились выкидыши – с нуля до одного процента, были отмечены случаи совершенно неизвестного заболевания – белой горячки, хотя алкоголь на планете не потребляли уже лет восемьсот, а также узнали аборигены галактики вовсе ужасный недуг – импотенцию. Год по земному летоисчислению пребывали существа, достигшие совершенства, в оцепенении, пока специалисты Министерства Обороны Галактики не разработали эффективное оружие противодействия – генератор импульсов положительной энергии, работающий в противофазе с выбросами зла. Импульс был послан на Землю, затем еще и еще, и постепенно сила ее отрицательного излучения стала слабеть. Русские дошли до Берлина, американцы до Эльбы, японцы стали уходить с захваченных островов. Война подходила к концу, измученные, усталые люди, победители и побежденные, отправлялись по домам. Однако, на исходе кровопролития, Земля выбросила в космос наиболее мощный сгусток черной энергии, освободившейся в Армагеддоне Хиросимы и Нагасаки, и тысячи стариков созвездия Козерога пали замертво, а сотни детей Розового Неба в положенный срок

не появились на свет. Затем безобразия прекратились, но в сенате приняли решение – регулярно обрабатывать Землю импульсами положительной энергии, по крайней мере, еще сто земных лет. Поэтому войны стали вялыми, холодными, и злая планета лишь иногда посылала к звездам недоброе излучение, немедленно получая порцию противоядия от генератора положительной энергии. Здоровье жителей Козерога стало приходить в норму, никто больше не болел, тем более, не умирал. Историки воскресили давно забытые похоронные обряды, умерших, вернее, погибших в странной войне, похоронили со всеми почестями. Жизнь постепенно наладилась – великая, беззаботная жизнь разумных существ, достигших высшей точки совершенства биологического вида.

С тех-то пор, когда Земля еще не остыла от пожаров, когда красивейшие города стояли в руинах, в королевской академии наук Объединенной Расы Созвездия Козерога вплотную приступили к подготовке экспедиции на опасную планету. Игнорировать Землю было уже невозможно. Ученые хотели иметь полную картину жизни там, исследовать процессы, происходящие в обществе населяющих ее разумных существ непосредственно, изнутри.

В подготовке полета к чужой звезде участвовали десятки лабораторий и сотни независимых ученых, космических заводов. Меньше чем за год по земному летоисчислению межзвездный корабль был построен, и именно тогда Борис Алексеевич, вернее, тот, кем он был когда-то, решил, что должен принять участие в небывалом эксперименте. У него не было ни квалификации, ни опыта космических исследований, вообще ничего кроме молодости и упрямства, и только просьба отца, имевшего влияние в академии наук, помогла ему совершить поступок, изменивший всю его дальнейшую судьбу. Однажды он с замирающим сердцем ступил на борт звездолета, запрокинув голову и раскинув руки, как Христос на кресте, о жизни которого уже знал. Предполетная подготовка включала в себя закачивание обширных знаний о Земле прямо в мозг участника экспедиции. Он знал все науки, известные землянам, стал хорошим спортсменом, артистом, землепашцем, кулинаром. Ему объясняли, как знакомиться с женщинами, как нравиться им – он смеялся и прогуливал эти уроки, еще не понимая, как важна такая наука на Земле.

Раз уж зашел разговор о женщинах, то есть о красоте, сразу объясним, что обитатели звездного племени, из которого происходил Борис Алексеевич, вовсе не были похожи на пупырчатых зеленых крокодилов или студенистых осьминогов. По строению тела и лица они вполне напоминали людей, только все поголовно имели высокий рост, изящное телосложение, бледную, почти прозрачную кожу, и волос не знали совершенно. Да, и рот у них был очень маленький, беззубый, потому что пища в организм поступала только в жидком виде. Наверное, не в последнюю очередь по этой причине любил Борис Алексеевич разнообразные напитки – и очень крепкие, и не очень – даже минеральную воду.

Корабль пришельцев прибыл к Земле за несколько лет до окончания второй мировой войны, поскольку посланцы разума уже отлично владели искусством преодолевать не только пространство, но и небольшие отклонения во времени – пока что самый пустяк, до пятидесяти лет назад или вперед. С корабля должен был высадиться десант – сто человек (именно человек, то есть посланников Козерога, принявших человеческий облик) во всех важнейших частях зелено-синей планеты. В Европе, Азии, Америке, Африке. Пришельцы должны были, не привлекая внимания, внедриться в среду обитания людей, пожить среди них, собрать сведения, в основном субъективного, личностного характера, и вернуться на корабль спустя полгода. Для конспирации и чистоты эксперимента было решено исключить возможность их контактов друг с другом – никто не мог знать, в ком из людей живет его собрат по звезде и крови.

По жребию и специфике подготовки ему досталась Россия. Он знал из курса обучения, что эта страна – самая беспокойная, иррациональная, с непростой трагической судьбой. Но с руководством исследований не спорил никто. Кроме того, несмотря на серьезную подготовку, юнцы-десантники почти не представляли, где им предстоит жить, что делать. И, конечно, они

ничего не боялись, как все молодые, которым поручено архиважное дело, пусть оно будет стоить здоровья, а может быть, и жизни. Но только не свободы – посланцы Козерога не знали, что такое свобода, поскольку никогда им не приходилось жить там, где ее нет.

Он получил оболочку молоденького солдата, погибшего на переправе через Днепр. Снаряд попал прямоком под ноги, и от человека не осталось ничего, кроме оплавленных кусков железа от его автомата и каски. Когда душа отделилась от тела, сейчас же соответствующие приборы на корабле, прибывшем из созвездия Козерога, вобрали ее в себя. Один из посланцев другого мира получил внешность, точную копию документов, память и небольшой опыт жизни солдата, даже могилы которого не осталось. Он считался пропавшим без вести и воскрес, правда, радоваться было некому, потому что в его родной дом попала тяжелая бомба двумя годами ранее.

Так Ю-во, как звали Посланца, в 1946 году стал Борисом Алексеевичем – коренастым, жизнерадостным, обаятельным парнем, родом с южного российского приморья.

И тут нахлынули на Бориса Алексеевича совсем другие воспоминания, земные, более близкие ему, понятные, темные и светлые – обыкновенные, человеческие.

Вспоминал он свой земной путь. Начался он с прибытия после войны в чудом нетронутый бомбами и снарядами подмосковный поселок, в котором почти не осталось мужчин, оказавшихся в земле еще в сорок первом, в самое лихолетье, когда всех забрали на войну – кого по доброй воле, кого нет. Ополченцы гибли сотнями и тысячами, и лишь немногие не только смогли пережить морозную московскую битву, но и пошли дальше, становясь безвестными или знаменитыми героями великих сражений. Тогда, в начале лета сорок пятого года Борис Алексеевич, ветеран войны, имеющий при себе все удостоверения и заверенные соответствующими подписями бумаги, явился в райцентр и рассказал о себе всю горькую правду. Поведал он о том, как погибла его семья под бомбежками в смоленской области, как шел он до границ Польши, как освобождал Европу, как брал последний бастион фашистов – Прагу, как выжил, наконец. Ему, надо сказать, повезло, хотя его межгалактические сородичи тогда никак не помогали адаптироваться к земной жизни. Бориса Алексеевича в те годы не посадили, не отправили на каторгу в Сибирь, и вообще власти отнеслись к нему вполне благосклонно. Никто не проверял его родословную, документы рассмотрели поверхностно, не искали ни родственников, ни однополчан. Он стал одним из десятков тысяч тихих героев, вернувшихся в Подмоскowie с войны. Тогда еще Система, какой бы зверской она ни была, не забывала о своих героях, обеспечивших ее безбедное существование на хмельном послевоенном энтузиазме на многие годы вперед. В общем, фронтовику выделили участок на краю поселка, дали немного денег и облигаций, рекомендовали устроиться во ВТУЗ расположенного неподалеку авиазавода. Также недалеко, почти рядом, находился старейший в стране физико-химический институт, где, как намекнули Борису Алексеевичу, он тоже не был бы лишним.

Спустя три месяца Борису Алексеевичу опять же намекнули серьезные, постные, в основном хронически тыловые люди, что он может осваивать совершенно дикие участки вдоль железной дороги. И, стало быть, площадь своих наделов, данных ему сельской администрацией, понемногу расширять.

Между прочим, все происходящее лишь вызывало в нем живой интерес, но никак не трогало. Как решило военное и научное командование Козерога, вести записи было нельзя, и Ю-во запоминал до минут каждый прожитый день, готовя отчет, который он должен был представить по возвращении на корабль. Прибытие челночного аппарата Борис Алексеевич ожидал через два месяца по земному времени, а пока, в целях конспирации, обустроивал свой надел, что-то строил, копал, знакомился с людьми, легко поступил на учебу во ВТУЗ авиационного завода, на всякий случай не с первого раза сдал экзамен. Он знал, что все происходящее с ним – временно, все забавляло его, казалось удивительным приключением в доисторических

джунглях, которое вот-вот должно было кончиться, раствориться вместе с непривычной земной оболочкой.

Многого он не понимал и не принимал, будучи на порядок умнее как своих одноклассников, так и людей постарше. Но, став демобилизованным русским солдатом середины двадцатого века, он, понятное дело, оказался в информационной изоляции, и не мог знать ни из газет, ни из радиопередач, о том, что происходит в мире, отличном от того, в который он попал. Очень скоро он понял, что средства информации здесь не имеют никакого смысла и что невозможно понять, где правда, а где ложь, потому что информация как таковая отсутствовала, была лишь ее интерпретация, угодная властям. Это наблюдение, как наиболее важное, он бережно, как подобает истинному исследователю, положил в определенные ячейки мозга. Как и то, что люди в стране его временного обитания проживают хорошие – кроткие, доверчивые, милые, умные – и в то же время, в массе своей, абсолютно не задумывающиеся о смысле происходящего. Их можно было обмануть, запросто можно было убить, изолировать их родных, близких. Можно было платить им гроши, и они все равно оставались открытыми, жизнерадостными, чистыми людьми – такие были в большинстве. Но имелись, конечно, и стукачи, и тунеядцы, и так называемые руководители, которые не умели руководить ничем, кроме собственного стремления к корысти и теплоте местечку. Борис Алексеевич долго не мог понять – как же так? Как можно создавать что-то новое, радоваться жизни, любить, рожать ребятишек, будучи под прессом если не вранья, то откровенного искажения фактов? Как можно уверовать в то, что твой сосед – заклятый враг, если только позавчера сидел с ним за столом в облаке папиросного дыма, уважая его и пользуясь его уважением?

Этого Ю-во не понимал, досконально заносил в ячейки памяти свое непонимание и ждал, когда его заберут обратно. К заветному часу он уже построил половину дома, вскопал пять огородов. Только водки еще выпил мало и ни с одной женщиной, отдушиной человечества, не сошелся, хотя недвусмысленные предложения от работниц поселка, молодых, приветливых и охочих до мужчин, были. Борис Алексеевич, несмотря на то, что общение с противоположным полом региона входило в обязательную программу исследований, почему-то смущался, чувствуя интерес к себе, оттягивал кульминационный момент. Таким уж характером обладал донор его тела и земной души, и Борис Алексеевич ничего не мог с этим поделать.

В тот день, когда, по всем расчетам, должен был прибыть вождельный аппарат, Борис Алексеевич волновался как на родине, перед полетом. Зачем-то он старался привести в полный порядок земную оболочку, брился, гладил единственный свой костюм, даже купил на базаре дешевый мужской одеколон, подозрительно пахнувший мылом и кошачьей мочой. С утра он отправился в угол сада, присел на спиленное бревнышко, поджег папироску, глянул в голубое, без облачка, небо и стал ждать.

Они должны были забрать его около полудня, приземлившись в саду. По уговору, инженеры-наблюдатели на корабле отслеживали место пребывания каждого, и точка посадки челночного аппарата определялось местожительством посланца.

Но на осеннее Подмосковье уже надвигался густой загадочный вечер, а луч света из созвездия Козерога в темном царстве земного средневековья все не появлялся. Напрасно Борис Алексеевич мерил огромными шагами свои наделы, курил, вглядывался в полосатое, черно-синее, с прожилками красного, небо, думал, надеялся. Небосвод в тот погожий день поражал красотой, чистотой, какой-то особой глубиной. Но не было на нем ни признака посещения внеземной цивилизацией.

Борис Алексеевич ждал еще несколько дней, плохо спал, провалил зачет в учебном заведении, был рассеян и слаб. На исходе недели он каким-то внутренним чутьем понял, что за ним никто не прилетит. Или прилетит очень-очень нескоро, когда ему будет много лет по земному исчислению, когда или он уже умрет, или его надежда угаснет. Когда посланец созвездия Козерога осознал это, ему стало страшно. Он понял, что навсегда, по крайней мере, по земным

понятиям, ему суждено остаться в этом чужом, непонятном, далеком от его идеала мире. Когда опасения, сначала робкие, гонимые прочь, оформились во вполне ясную мысль, посланец в оболочке землянина дико закричал, сидя на бревнышке у гаснувшего костра:

– Нет! Я не хочу здесь оставаться! Заберите меня отсюда, братья из созвездия Козерога, сыновья объединенной расы! Из этого проклятого мира войн, обмана, рабского труда, болезней и смертей! Не хочу! Не хочу!

Громкий, рыдающий, отчаявшийся голос, вой маленького человека, который на самом деле не был человеком, услышали во всей округе. В близлежащих домах зажгли окна, люди высыпали на улицы и стали стучать в калитку, с тревогой вопрошая, не случилось ли чего, не нужна ли помощь. Борис Алексеевич выглядел очень больным, из его глаз текли крупные человеческие слезы. Люди всё поняли – они посчитали поведение молодого человека следствием контузии на переправе через Днепр. И, тихо плача, ушли, оставив его в покое.

На следующий день в лаборатории физического института, где работал помощником лаборанта Борис Алексеевич, происходили странные вещи. Искусственная молния между двумя металлическими шарами вдруг окрасилась оранжевым цветом и скакнула к потолку, напугав и озадачив ученых. Течения всех остальных физических и физико-химических процессов выродились в совершенно небывалые результаты, которые ни в какие ворота не лезли. Результаты эти тут же засекретили и убрали в очень глубокие хранилища на Лубянке, а одного ученого и, почему-то, одну девушку-лаборантку, на всякий случай посадили. На зачете Борис Алексеевич понес полную чушь на непонятном языке, при этом ужасно сверкая глазами и подпрыгивая на месте, словно в ритуальном африканском танце. Поскольку в поселке и прилегающем городке с его институтами и заводами уже прослышали о неадекватном поведении подающего надежды молодого ветерана, Бориса Алексеевича тогда не посадили. Даже в больницу не отправили, а просто отпустили домой, сочувственно качая головами.

В тот же вечер пережившие войну поселковые мужики разных возрастов посоветовались у продмага и решили за почти непьющего, вежливого, замкнутого парня взяться как следует. Без приглашения, по-простому, завалились они во владения Бориса Алексеевича, принесли водку, хлеб, закуски с огорода, папиросы и души свои. Посланец созвездия Козерога взглянул на них молча и недружелюбно, но всех впустил. А чуть позже, всё послав к своему далекому черту, выпил с ними наравне, захмелел, и рассказывал, как все, о фронте, о боли, радости и печали. Его слушали. Конечно, даже выпив бутылку и впервые в жизни потеряв ощущение реальности, Борис Алексеевич ни словом не обмолвился о своем инопланетном происхождении. Только иногда он произносил слова и фразы непонятного смысла, хохоча, плача и ругаясь, но мужики попались искренние, добрые, не стукачи, и были они тоже сильно пьяные, поэтому никто ничего не заподозрил. А после того раза Борис Алексеевич, хотя выпивать полюбил, всегда держал себя в рамках разумного по местным понятиям питья, чем тоже, кстати, снискал уважение сельчан.

Наутро он проснулся с головой, гудящей, как реактивное сопло, но в то же время Борис Алексеевич осознал себя совсем земным человеком, русским мужиком, и немного поутихла в сердце жгучая жажда возвращения к родному розовому небу. Он решил, что коль так распорядилась судьба, жить здесь можно, и работы ему хватит. И земной, и небесной, дабы изучить и осмыслить особенности и причуды расы человеческой в местном обличии.

С той поры началось земное бытие посланца созвездия Козерога Ю-во, или по-нашему, Бориса Алексеевича Каверзнева. Он вполне успешно переходил с курса на курс. Еще не получив диплома, из помощника сделался лаборантом, затем и сам заимел помощника-студента. Такие науки, как математику, физику и химию, он знал, конечно, гораздо лучше, чем ректор и директор его институтов, вместе взятые. Но во время учебы он хоть и слыл прилежным и способным учеником, но никак своих выдающихся знаний не проявлял. Борис Алексеевич спокойно плыл по студенческой жизни, балансируя между хорошистом и отличником, участво-

вал в шумных вечеринках, не сторонился общественной жизни – собирал различные взносы – честно и аккуратно. Кстати, общественные науки давались ему наиболее тяжело. Борис Алексеевич заучивал наизусть труды классиков сами знаете чего, историю партии тоже вызубрил до буквы. Ему было интересно понять – как же живут люди в той стране, куда он попал? Кое-что было ясно, но отдельные шероховатости не давали ему покоя. Особенно непонятно было пришельцу, что это за зверь такой – коммунизм, и когда он к ним зайвится. Тут он чуть было себя не выдал в первый раз. Взял да и спросил на семинаре:

– А скажите, товарищ, электрификация в нашей стране завершена?

– Завершена, – был ответ.

– И советская власть повсюду, верно?

– Да, конечно, – был ответ.

– Значит, уже настал коммунизм?

– Конечно, но вы невнимательно читали, товарищ Каверзнев, – мягко и подтвердил, и возразил преподаватель. – Коммунизма мы пока построили первую стадию, а вторая наступит тогда, когда... – ну, и терпеливо повторил известную мысль о способностях и потребностях, однако посмотрел недобро.

– А не кажется ли вам лозунг «каждому по потребностям» весьма спорным? – понесло Бориса Алексеевича. – Реализация подобной модели возможна в двух случаях – либо при средних сильно заниженных потребностях подавляющей массы членов общества, пусть и условно-добровольных, либо при подлинном изобилии, стремящемся к бесконечности. Но в последнем случае мы вступаем в противоречие с необходимостью рационального использования природных ресурсов, какими бы разнообразными и безграничными они не казались. Неконтролируемое изобилие неизбежно приведет к экологическому коллапсу, если не к изменению самой сути природы, ее глубинной энергетической структуры.

Борис Алексеевич покачал головой и произнес в задумчивости, как бы разговаривая сам с собой:

– Да, как-то это непонятно, – надо еще подумать. Мысль-то заманчивая, но как быть с энтропией? Как быть со стремлением к состоянию равновесия, несмотря на непрерывность развития?

И спокойно сел на место, не замечая ни бледных лиц вокруг, ни зловещей до густоты тишины. Очнулся он только тогда, когда услышал грохот – это преподаватель упал в обморок. Сорокалетнего товарища отвезли в больницу и больше его, кстати, никто не видел, хотя и о его смерти не слышали.

До старости Борис Алексеевич ругал себя за ту выходку – ведь его жизнь висела на волоске! Подумать ему, видишь ли, захотелось! Ну и думай себе на бревнышке в саду, а так-то зачем! Подверг сомнению евангелие! Съел на завтрак ляжку священной коровы! И, главное, преподавателя было жалко – вот по этому поводу Борис Алексеевич переживал сильнее всего.

Да, такое не прощают. Но, что удивительно и никакому уму не постижимо, Бориса Алексеевича тогда простили! Лишь позже он узнал, прочитав умные и правдивые книги, что ему грозило. Но тогда, хотя из курса предполетной подготовки Ю-во и знал о суровых идеологических законах, царивших на одной шестой части суши, по молодости относился к ним легкомысленно. А что, в самом деле, случилось? Разве семинар – не место для дискуссий? Разве не следует все подвергать сомнению, чтобы добраться до истины?

Слишком Ю-во был отравлен свободой на своей родине. Поэтому и мог вляпаться в историю. И совершенно это было ни к чему – ведь в созвездии Козерога наверняка имели не поверхностное представление о религиях, учениях и заблуждениях землян. Да, коммунизм – религия, понял Борис Алексеевич, но ни с кем этой мыслью делиться, слава богу, не стал. Ему не ставили задачу – изучить, а тем более оспорить религиозные учения. Он должен был изучать

жизнь. И он совершенно потерял интерес к так называемым наукам, от жизни далеким. Каждая религия выдумывает свой рай – это нормально.

А простили Бориса Алексеевича по одной простой причине – испугались. Если бы он анекдот рассказал, явился вдребезги пьяным на комсомольское собрание или просто очередь его подошла – тогда другое дело, непременно посадили бы. А тут – случай особый. Такие слова и вспоминать страшно, не то, что произносить! Значит, так было надо. То есть решили в соответствующей инстанции, что Борис Алексеевич – сексот высшей пробы, засланный из Центра. С того дня люди стали относиться к нему по-разному – кто с опаской сторонился, кто напротив, стал более ласков с ним. Много лет сомнительная слава человека, работающего на Органы, преследовала Бориса Алексеевича, иногда мешала, иногда помогала в жизни, в карьере. Правда, настоящие друзья, которых в жизни у него появилось немало, в это не верили. И еще один человек не верил – девушка по имени Полина, которая и объяснила Борису, которого считала очень милым, какую глупость он совершил.

Вечером того же дня, когда зловещий смрад инакомыслия и скорых арестов окутал поселок и городишко, в калитку Бориса Алексеевича постучали. Он открыл, не раздумывая, и увидел на пороге заплаканную, трясущуюся Полю. Она бросилась ему на шею и зарыдала.

Борис Алексеевич с Полиной был знаком недавно, был к ней равнодушен, но из-за робости своей никаких решительных действий не предпринимал – так, сходили пару раз в кино, и всё. Полина была девушка с характером, она многим на курсе нравилась, но считалась неприступной, холодной, как медуза. Часто находило на Ю-во какое-то незнакомое чувство, но он еще не знал, что это любовь. Правда, уже догадывался об этом, и мечтал пригласить Полю в местный ресторан, да как-то всё повода не находил.

И тут – сама его возлюбленная бросилась ему на шею, вечером! Одна пришла! Борис Алексеевич растерялся и покраснел.

– Что же теперь будет, Боренька? А? В Сибирь ведь сошлют, а я тебя люблю. Вот и призналась я, да что уж теперь ... Ты-то еще долго молчал бы. А надо было тебе в другом месте молчать.

– Почему? – искренне удивился Борис Алексеевич, который, в прочем, уже догадался, что сделал что-то не то.

– Потому что, – хотела что-то важное сказать Полина, но осеклась. – Потому что ЭТО подвергать сомнению НЕЛЬЗЯ. Кто бы ты ни был, что бы ты ни делал, обещай мне, пожалуйста, что больше так никогда говорить не будешь. Будешь думать о том, что говоришь, о том, что можно говорить. Если не жалеешь себя, пожалей нас, тех, кто рядом с тобой. Мы все можем пострадать, понимаешь?

– У нас всегда говорят то, что думают. Уже три тысячи лет, – снова проговорился Борис Алексеевич. Не то, чтобы он сделал это сознательно, просто стало ему в объятиях Поли удивительно хорошо, легко. Захотелось быть самим собой – ну, хоть в последний раз! – Знаешь, – продолжал Борис Алексеевич, – у меня есть один секрет...

– Я не верю! Я знаю, ты не такой, ты не из них, тебя заставили! – горячо зашептала Поля, – не говори ничего! Молчи. Я все равно тебя люблю, – Полина быстро поцеловала обалдевшего Бориса Алексеевича в губы и потащила его к дому.

– Ты не так поняла, – бормотал Ю-во, – дело в другом. Я инопланетянин. Посланец разума. Исследователь бытия и сознания землян.

– Знаешь, милый, я тоже со странностями. Сейчас мы с тобой будем... исследовать, – смеялась Поля, увлекая смущенного и взволнованного Бориса Алексеевича в маленькую горницу с пружинной кроватью, – и бытие... и сознание!

Тут осознал наконец Ю-во свою человеческую и мужскую сущность, очнулся, сам крепко обнял Полю, стал целовать, расстегивать на ней кофточку, одним движением распустил ее волосы цвета пшеницы...

Без чувственной любви не может быть цивилизации, и на родине посланца разума тоже знали любовь. Но с течением тысячелетий то, что мы называем страстью, притупилось в генах жителей созвездия Козерога. Химические пищевые добавки, достижения наук, путешествия к звездам, скука социальной гармонии и почти полного благополучия, хоть и не коммунизма, искусственное выращивание плода, избавившее женщин от опасностей и мучений беременности и родов – все это, однако, отодвинуло любовь на задний план, лишило ее остроты. Но Ю-во был теперь человеком, и он в полной мере познал в тот вечер тайну соединения разумного и животного начал, открыл извечное стремление человека и человечества к единственному настоящему ощущению – счастья. Отсюда, понял он, тяга человека к вину, к наркотикам, к власти – и, разумеется, к любви. Ко всему, что пьянит, кружит голову. Слишком уж правильный, рафинированный мир Козерога многое оставил за воротами истории. В ту ночь Ю-во долго не мог заснуть, слушая волшебное дыхание его земной женщины и думал – а так ли необходим совершенный мир? Ведь и люди, эти симпатичные дикари, все время стремятся избавить общество от пороков. Они совершат еще много ошибок и когда-нибудь построят мир, близкий к идеалу, о котором пока даже не мечтают. Но что-то уйдет – с тоской думал Ю-во. А я еще поживу здесь, – радостно думал в нем Борис Алексеевич.

Проснулся он с незнакомым, истинно земным ощущением радости. Наверное, именно после ночи, проведенной с любящей его и любимой им женщиной, Ю-во в полной мере почувствовал себя человеком. Утром следующего дня он сделал Полине предложение, и в тот же день двое маленьких людей стали строить незамысловатые планы совместной жизни и, конечно, свадьбы. Поля, или уже, по-взрослому, Полина Георгиевна, сразу после скромной, шумной, пьяной студенческой свадьбы переехала жить к Борису Алексеевичу, оставив старенькую избу престарелых родителей. За первые два года супружеской жизни родились у них двое симпатичных ребятшек, сначала девочка Маша, то есть Мария Борисовна, затем сын Миша, то есть Михаил Борисович.

Рождение детей и все переживания, с ними связанные, стали для Бориса Алексеевича полной неожиданностью, потому что на его родине, о чем уже говорилось, появление нового разумного существа давно стало совершенно обыденным, тривиальным делом. Детей выращивали централизованно в специальных центрах. Как правило, отец и мать узнавали о рождении их ребенка по мобильной космической связи, будучи либо на работе, либо где-нибудь на побережье фиолетовых морей планеты-курорта в созвездии Кассиопеи, на диком «народном» пляже окраины млечного пути.

В то же примерно время Борис Алексеевич окончил институт, не с красным (из осторожности, чтобы не привлекать внимания) дипломом, но вполне пристойно. Сначала он поступил по распределению на авиазавод, но слишком быстро Ю-во наскучило участие (в качестве ученика!) в конструировании летательных аппаратов, которые на его планете в историческом музее-то было трудно найти. Не мог же он одной фразой или формулой опровергнуть азы технического обеспечения современного его земной оболочке воздухоплавания! Тогда Борис Алексеевич решил податься в науку. В научной среде легче было, если не высовываться, скрыть свое неземное происхождение. Наука всегда нова, методы ее постижения оригинальны и непредсказуемы, несмотря на то, что результаты всех возможных исследований были ему давно известны. В созвездии Козерога физика давно была чем-то священным. Её любили, ей поклонялись, она была тем немногим, что пробуждало страсть в душах существ, погрязших в рационализме. Поэтому твердо решил для себя Борис Алексеевич, что единственное место, в котором он может работать, не впадая в полную тоску – всесоюзный академический научно-исследовательский институт физико-химических исследований. Для этого ему пришлось немного пренебречь конспирацией и убедить как директора завода, так и директора научного института в том, что физик он от Бога и с детства мечтал заниматься наукой.

Борису Алексеевичу после долгого собеседования маститые профессора пожали руки и предложили ему, скромному инженеру, попробовать поруководить лабораторией. Это было классно, но лаборатория не занималась академическими исследованиями. Она была призвана решать прикладные задачи народного хозяйства. Однако, Борис Алексеевич, уставший от проектирования примитивного вертолета, был и этому рад.

Так Ю-во стал ученым, и настали для него особые дни. Конечно, с точки зрения занятия наукой на самом деле никакого интереса он не испытывал. Сверхнизкие температуры, проблески сверхпроводимости, азы термоядерного синтеза, загадки кремния – как это было примитивно, далеко от того, что довелось ему изучать в школе! Но в то же время Борису Алексеевичу было очень приятно, что его уважают, что с ним советуются, что работается ему легко, и работает он красиво. Он чувствовал себя взрослым, который снова стал маленьким и ощутил таинство детства. Он – большой, умный, надменный, как будто очутился в детском саду, отряхнул от песка и взял в руки игрушки, о которых забыл думать. О, детство галактики – Земля! Как легко здесь жить, когда все знаешь наперед! И как трудно тому, кто каждое утро делает свой первый шаг...

Дальше потекла нормальная жизнь, о которой и сказать-то особо нечего. Хорошая советская жизнь, если для читателя что-то еще значит это словосочетание. Борис Алексеевич трудился в НИИ, заведовал своей лабораторией, потихоньку, не выпендриваясь, шел в гору, никому сильно не досаждал, слыл человеком покладистым, к институтским распрям по поводу раздела научных и житейских пирогов относился спокойно. Защитил кандидатскую, потому что это делали все, докторскую решил не защищать, в директора выбиваться – тем более. Все у него было, для жизни необходимое – дом, сад, семья. Еще любил Борис Алексеевич котов. Ю-во относился к этим животным с трепетом и большим уважением. Он в зоопарке, прогуливаясь там вместе с детьми, видел много зверей, но лишь с представителями семейства кошачьих установилась у него тесная, дружеская, таинственная связь. Лишь с котом, Васькой или Барсиком, Борис Алексеевич, после принятых во благо самочувствию двухсот пятидесяти грамм водки был откровенен. Ему казалось, что не серый бессловесный комочек слушает его странные рассказы, а его собрат из созвездия Козерога, перевоплотившийся в маленького земного зверька.

Бывало, расслаблялся Борис Алексеевич в дальнем углу сада, попивал водочку (в меру), смотрел на розовые штрихи заката и тихо говорил, обращаясь к сидящему рядом нахохлившись, как воробей, коту:

– Смотри, Васька, смотри, черт, какие облака! Совсем как наше небо, всегда розовое, яркое, волнующее. В такие часы, когда я смотрю на эти огненные полосы, так хочется домой! Хоть бы одним глазком увидеть родину, оранжевые стебли, голубые листья, зеленые цветы. Да ты сам все знаешь, слышишь меня, чувствуешь то же, что я. Но дан был нам наказ – не знать друг друга, не общаться друг с другом. Может быть, не меня одного забыли на бескрайних просторах чужой планеты. Я верю, что ты – один из нас. Ведь это так, да?

Борис Алексеевич ласково трепал спокойное животное за ухо, и кот жмурился, мурлыкал. Тогда посланец разума еще более убеждался в том, что говорит с коллегой, который понимает его, и, исполненный благодарности, наливал следующий стаканчик, а потом угощал молоком своего любимца.

Ко всему привык Ю-во, но иногда застилала ему глаза какая-то смертельная, черная тоска, и невозможно было понять, кто виновник этой тоски – человек ли, инопланетянин ли. Тогда Борис Алексеевич пил больше обычного, становился невыносим в семье, ругался с сослуживцами и даже кота, случалось, пинал. Часто в такие минуты боролся он с могучим желанием – выйти на поселковую площадь и заорать во всю глотку:

– А вы знаете кто я, груднички недоразвитые? Я посланец разума! Быть может, я есть высшее существо во вселенной! И уж точно, я самый умный на вашей дурацкой планете! Все, что вы учите, я давно знаю, все, к чему стремитесь, я давно изведаль, все, что делает вас такими загадочными, я давно разгадал! Видал я вас всех сами знаете где!

Плохо было Борису Алексеевичу. Он хотел рвать на себе рубаху, уткнуться в стог сена и заплакать, набить кому-нибудь морду, уехать за границу. Но чуть позже отчетливо вспоминал Ю-во слова отца, последнее его напутствие перед полетом:

– Помни, сын, о том, что ты старше и мудрее тех, с кем тебе придется жить половину земного года. Но ты никогда не должен выдавать себя, ставить себя выше других. Ты и жить их учить не должен. Это бесполезно, потому что дети не будут касаться горячего только тогда, когда обожгут пальцы. Твоя мудрость заключается в том, чтобы остаться самим собой, но в то же время стать одним из них. У тебя нет миссии. У тебя нет силы. У тебя есть лишь право на созерцание и анализ. Единственная твоя обязанность в том, что ты должен жить на Земле честно, насколько позволят это делать законы страны, в которую попадешь.

В последней фразе заключалось большое противоречие. Ю-во не мог вступить в единственную партию страны, в которой жил, потому что испытывал бы муки совести. И в то же время Борис Алексеевич не мог выступить в защиту писателя, уехавшего из страны, на собрании института. Не мог с горсткой коллег принять участие в митинге на Красной Площади, осуждающем вторжение в Чехословакию. Не мог поддержать опального академика. Борис Алексеевич не мог быть своим в обществе лжи и фарса, но тем более не мог стать диссидентом. Ему было сказано – не высовывайся! Он и не высовывался.

Да он ли один? Ладно, он был инопланетянин, он как бы работал, имел, так сказать, уставку от руководства. А ведь никак не меньше, чем три четверти людей, населяющих страну, были, с этой точки зрения, инопланетянами. Ни во что не вмешивались. Со всем соглашались, ухмыляясь в темном переулке. И, в отличие от Бориса Алексеевича, ничуть из-за этого не переживали.

Ю-во помнил наказ отца, помнил глупую студенческую выходку на семинаре и ничем себя не проявлял, жил просто. Правда, были у него еще два прокола, но вспоминал он их с улыбкой.

Первый случился в институте, когда Борису Алексеевичу было лет сорок пять. Ни академиком, ни профессором он не стал, но с некоторыми из них дружил и при их беседах имел право присутствовать.

Однажды вечером Борис Алексеевич, перед тем как уйти домой, заглянул в соседнюю лабораторию, где обсуждали какую-то важную проблему знакомые академик и профессор. Они стояли у доски, на которой живого места не осталось от хитросплетений химических уравнений, и горячо спорили, указывая на вопросительный знак в формуле, на месте которого, очевидно, должен был стоять некий магический символ. Борис Алексеевич бегло взглянул на доску, что-то прикинул в уме. Нужно было ему тихонько закрыть дверь и пройти мимо, так нет же, опять его черт попутал! Подошел он к доске, стер ладонью вопросительный знак и нарисовал нужный символ. И сказал, обращаясь к академику:

– Евгений Робертович, здесь вот так нужно. Вы уж извините... Ну, я пойду?

И ушел. И невдомек ему было, что над этим уравнением бились лучшие умы Америки и Европы! Утром в институте все только и говорили об уравнении. Что, академика Борису Алексеевичу сразу давать? Или, от греха подальше, уволить к такой-то матери? Что с ним делать-то? А при чем тут Ю-во? Ну, не мог он смотреть, как бьются светила науки над задачей, которую он проходил в возрасте четырех лет во втором классе начальной школы!

В конце концов, решили выдать Борису Алексеевичу, вроде бы ничего не смыслящему в химии, солидную премию, а он убедил всех, что решение родилось в его голове чисто случайно, как иногда бывает с похмелья. На том все и успокоились.

Второй раз Борис Алексеевич опростоволосился дома, когда Полина готовила редкое в их краях рыбное блюдо к его пятидесятилетию. Он лизнул, взял кусочек... Честно говоря, не очень-то у Поли получилось. Борис Алексеевич прокрутил в мозгу все рецепты земных блюд, отыскал нужный. Пока жена отдыхала, он из остатков тех же самых продуктов состряпал блюдо и вечером подал его на стол как альтернативное. Пошутить хотел так. Шутку оценили все, когда нахваливали его блюдо. Как часто бывает, не оценила старание мужа только жена. При гостях Поля ничего не сказала, но, когда они остались одни, раскричалась, разревелась, дала волю чувствам:

– Сукин ты сын! – прямо сказала она. Полина с годами стала сварливой женщиной, хотя по-прежнему любила мужа. – Я ведь знаю, что ты никогда не умел готовить! Значит, какая-то молодая блядуха тебя научила, да? И ведь не постеснялся, Янус двуликий, свое искусство демонстрировать! Скандала не побоялся! Теперь понятно, куда ты по субботам ходишь!

По субботам Борис Алексеевич, мужчина солидный и уже в годах, отправлялся с мужиками в баню и любовницы, к своему тайному огорчению, не имел. Но недели две Полина смотрела на него волчицей, плакала по ночам. Потом, правда, успокоилась. Должен же Борис Алексеевич спеть свою лебединую песню на старости лет – мудро рассудила она.

Да, земная оболочка Ю-во, Борис Алексеевич, неумолимо старел, как все люди, хотя по-прежнему редко жаловался на здоровье. Но все же – годы, годы... У Бориса Алексеевича появилось брюшко, он облысел, отпустил бороду, которая скоро стала совсем седой. Купил «Жигули», выдал замуж дочку, женил сына, заимел, как водится, внуков и внучек. Дети разъехались кто куда. В шестьдесят пять он отправился на пенсию, и в институте с той поры появлялся редко. Жалел, что не стал профессором. Какая тут, к черту, конспирация – стал бы, и все. А глядишь, и академиком. Запросто. В том, что корабль не прилетит за ним никогда, он был уже уверен на сто процентов. Но теперь эта мысль, в былые годы надолго выбивающая его из колеи, больше не пугала. Он привык быть землянином. Ему нравилось, когда его дом наполнялся визгом внуков, шумными тостами детей, добрыми пожеланиями друзей, знакомых. Жена была здорова настолько, насколько может быть здоров человек на седьмом десятке, дом стоял, деревья в саду плодоносили, огороды не разочаровывали урожаем. Правда, пенсию вовремя платить перестали. Новую социальную революцию Борис Алексеевич в душе приветствовал, хотя душа его часто болела, потому что все нелепицы и ошибки переходного периода были ему видны как на ладони. Он бы рассказал, как надо действовать, но не мог. Да и кто стал бы его слушать? Он составил в голове модель развития России, согласно которой, по итогам, реальный доход на душу населения должен был в 2000-году составить восемьдесят пять процентов от американского. Но, увы, Борис Алексеевич не вошел в правительство, поэтому страна снова оказалась в том месте, из которого долго, мучительно выкарабкивалась.

– Эх, мы бы им показали! – тосковал Ю-во, обращаясь к своему брату по разуму, большому дымчатому коту, трехлетнему забияке и ловеласу. – Как люди говорят, кто в лес, кто по дрова. Вот и наломали дров. И пенсию второй месяц, блин, не несут. Конечно, воруют, но губят страну больше не из корысти, равнодушия или злого умысла, а от неумения. Никто не учил их. Правда, и учиться-то они не хотят. А надо было сперва сделать вот как...

Тут Борис Алексеевич, хлопнув еще пятьдесят, переходил к развитию сложной социально-экономической теории. Кот внимательно слушал, и только под конец засыпал, когда Ю-во начинал путаться и переходить на родной полузабытый язык.

А в общем, как у большинства россиян, все у Бориса Алексеевича было нормально. Сын помогал, зятек не забывал, пенсию иногда приносили, и в лаборатории он еще немного подрабатывал. И мог себе позволить посланец разума посидеть у костра в дальнем углу старого сада, вспомнить о былом, помечтать о будущем...

Вечерело. Жена что-то не возвращалась с базара, и Борис Алексеевич уже стал волноваться. Впрочем, он был уверен, что Полина зашла к какой-нибудь знакомой женщине в

городке и пьет с нею чай. Она была из тех людей, с кем неприятности почти не случаются. И слава богу.

Да и с самим Борисом Алексеевичем неприятности, или даже яркие события в последнее время практически не случались. Вот, в сад залезают, забор проломил. Да это у многих так. А еще – да за последние год-полтора и не вспомнишь ничего.

И все же было у него какое-то странное, ни на чем не основанное ощущение того, что скоро непременно что-то должно случиться. Он гнал от себя эту мысль, ухмылялся, сердился сам на себя. И сейчас тоже – махнул рукой в направлении кустов смородины, по-старчески крякнул, закурил. И задремал с потухшей папиросой во рту, стал носом клевать.

И вдруг – чуть со стула не свалился от шума и свиста за спиной. Оглянулся. Прямо на картофельное поле вертикально опускался светящийся металлический цилиндр – метров пять в диаметре и двадцать в высоту. Опустился на картошку и потух – лишь внизу, у земли, что-то светилось. Из дома напротив вышел встревоженный сосед, осмотрелся, но как будто ничего не увидел, покачал головой и удалился. Темный цилиндр закрывал полнеба, но пришельцы научились быть незаметными для взора землян, и только Борис Алексеевич видел корабль. Точнее, спускаемый аппарат. Что это такое, Ю-во понял сразу. Еще двадцать, ну, десять лет назад он бы бросился навстречу с радостным криком, ломая кусты. Но сейчас только привстал и тихонько заругался. Даже волнения не ощутил – почти.

– Не могли чуть правее приземлиться, сволочи, – сквозь зубы произнес он. – Картошка должна была первосортная уродиться, с Тамбова семена вез. Теперь, небось, и половины не соберешь.

Они вышли сейчас же после посадки, трое. В полумраке их было хорошо видно по светящимся одинаковым костюмам. Все высокие, стройные, молодые, похожие друг на друга, как оловянные солдатики. Один шел немного впереди и выглядел чуть старше остальных – видимо, он руководил экспедицией.

Борис Алексеевич стоял напротив них, шагах в десяти – маленький, толстенький, лысоватый, седой, покрасневший от водки. Три красавца-лебедя и один гадкий утенок... Жестом он показал на деревянный стол и скамейки под старым дубом – присаживайтесь, мол, поговорим.

– Мы явились за вами, Ю-во, – сказал по-русски старший, когда все четверо уселись за стол в саду – они с одной стороны, Борис Алексеевич с другой.

– Ну, за встречу, – равнодушно, дежурно произнес Ю-во и выпил. – Вам не предлагаю, поскольку знаю, что непьющие вы.

Пришельцы молча смотрели на Бориса Алексеевича. Тот не спеша закурил, глянул на них пристально, с усмешкой. Сказал:

– Прошло-то всего полвека. Самая малость. Если бы не была человеческая жизнь столь коротка, я бы сказал, что мы только вчера расстались.

– От имени Объединенного Правительства созвездия Козерога и руководства королевской академии наук мы приносим вам свои извинения, Ю-во. – монотонно загнусавил старший пришелец. – Случилось невероятное, почти невозможный сбой. Компьютер корабля вычеркнул вас из списка посланцев. Мы собирали разведчиков, сверяясь по списку, и забыли вас. Конечно, когда мы вернулись домой, ваша потеря сразу обнаружилась, и тотчас же корабль был послан обратно. Но оказалось, что мы попали в поле зрения американцев. Они следили за нами, наш корабль стал частью их секретного исследовательского проекта. Более пятидесяти земных лет понадобились нам, чтобы стать совершенно невидимыми для глаз и приборов землян. И вот мы здесь. Вы настоящий герой, галактика гордится вами. Добро пожаловать на корабль, Ю-во, скоро вы будете дома.

– Забор вы сломали? – совсем некстати спросил Борис Алексеевич. – Да нет же, конечно, – засмеялся он, прищурившись, уловив удивленные взгляды пришельцев. – А вот картошку зря погубили. Сейчас времена тяжелые, что я зимой жрать буду?

Повисла недолгая пауза.

– Я и так дома, – сказал Борис Алексеевич значительно, трезво.

– Ваш дом – созвездие Козерога, – возразили ему. – Здесь вы только выполняли задание, играли роль, можно сказать. А там, на родине, вас ждут отец, мать, друзья.

Что-то шевельнулось в душе Ю-во, кольнуло в сердце. Да, отец. Отца он любил, скучал по нему. Мать, конечно, тоже любил. Хотя они и не были полноценными родителями в земном понимании. Ну, отдали свои клетки, куда следует, получился он. Даже не воспитывали почти – до совершеннолетия его растили няньки от Объединенного Правительства. Лишь начиная с юношеского возраста отец и мать стали давать ему советы, разговаривать с ним, уже как со взрослым.

– Мои родители погибли в сорок третьем от немецкой бомбы. Знаете, – горько усмехнулся Борис Алексеевич, – на Земле артисты иногда слишком глубоко входят в роль. Я был Ю-во, но давно уже перестал им быть. Люди рассказывают, что временами вспоминают какую-то якобы прежнюю свою жизнь, иногда весьма странную. Чем я, собственно отличаюсь от них?

– Тем, что вы один из нас, – сказали ему. – Мы должны спешить, потому что генератор невидимости требует большого количества энергии. Когда энергия закончится, и нас, и спускаемый аппарат смогут увидеть все – и ваши соседи, и американцы. Бросайте эти ваши человеческие штучки, Борис Алексеевич, будьте благоразумны! Вообще-то мы не в праве настаивать, решение должны принять вы. Так было сказано в академии наук, потому что мы испытываем чувство вины перед вами. Вы можете остаться здесь, Ю-во. Хотя, конечно, вы понимаете, как важны для галактики ваши наблюдения. Вы ведь прожили целую человеческую жизнь!

– Да, жизнь... Целая жизнь прошла, правда... – тихо произнес Ю-во.

– Решение вы должны принять немедленно. Учтявая то, что мы, вероятно, не сможем прилететь сюда снова в ближайшее время. А жить вам осталось не так уж долго, вы сами понимаете. Короток человеческий век, сами же сказали.

Ю-во кивнул, и произнес задумчиво, серьезно:

– Не так-то легко избавиться от этих, как вы говорите, «человеческих штучек». Хорошо. Могу я задать вопрос?

– Конечно. Только помните, нам нужно торопиться.

– Что будет с Каверзным Борисом Алексеевичем?

– Ваша земная оболочка будет разрушена, то есть Борис Алексеевич, как представитель вида, исчезнет. Он просто станет одним из пропавших без вести. Вот и все.

– Нет, этого никак нельзя допустить, – покачал головой Борис Алексеевич, и морщины, обозначившиеся у него на лбу, разгладились.

– Почему?

– Завтра у моего первого внука, Максимки, день рождения, он станет совершеннолетним. Как же я пропаду без вести? Он же расстроится. А кто картошки накопает, если еще чего осталось? Кто крышу перекрывать будет? Кто Полине массаж поясницы бесплатно сделает?

– Да, – после некоторой паузы согласился старший пришелец, – наверно, вы правы. – Мы должны были забрать вас раньше, намного раньше. Теперь своим исчезновением вы причините боль многим людям. А это противоречит нашим принципам...

– Да какие там принципы! – взвился Борис Алексеевич, – просто по-человечески так делать нельзя! Нельзя наплевать на тех, кто тебя любит, кто тебе верит! Да ну вас, к лешему, в самом деле, вместе с Козерогом вашим...

– Мы вас понимаем, – сказал старший пришелец, и в тот же миг на груди другого загорелся крошечный зеленый огонек.

– Энергия кончается. Нам пора. Прощайте, Ю-во, – сказал старший, вставая и подавая пример другим, – мне кажется, что вы стали очень хорошим человеком. Жаль, что мы никогда не сможем воспользоваться вашим бесценным опытом.

Ю-во пожал плечами, посмотрел в сторону, затем заглянул в глаза всем троим.

– Ладно, ребята, спасибо, что вспомнили обо мне, в такую даль приперлись. Передайте привет матери, отцу, скажите, что жив я, здоров. Пусть они поймут и простят меня. Извините и вы меня за то, что так вышло. А вас я не виню, конечно. Так судьба распорядилась – и ваш Бог так рассудил, и наш. Может быть, они сговорились, а? – пробовал шутить Борис Алексеевич, но руки его мелко дрожали, и взгляд был устремлен куда-то вглубь себя. Он уже не смотрел на пришельцев, был как в тумане.

Когда цилиндр осветился изнутри и стал подниматься вверх, Ю-во отвернулся, закашлялся, стал беспокойно ходить, зачем-то сорвал гроздь рябины, устало провел по лицу ладонью. Было ему неуютно, одиноко и страшно. Но тут скрипнула калитка, послышался родной голос – это Полина вернулась из города.

Ночью Борис Алексеевич спал плохо, крутился, матерился, плакал, говорил во сне:

– Ну не мог я улететь, не мог! Ну, черт теперь разберет, где она, моя родина! Разве так можно – взять человека, и лишит его всего, что у него было! Нельзя так! Вот облака только... Небо... Оно розовое... Оно манит... Здесь тоже небо красивое, но – другое... Как сердце болит... Никогда не болело, а сейчас болит. Господи... За что же такая мука, почему?!

– Успокойся, Боренька, не переживай, родной. Ты старенький уже, тебе нельзя так волноваться, – шептала Полина и гладила мужа по лысой голове. – Ну, какой уж тебе, к шуту, Козерог? Живи себе, свой век людской доживай в добре и согласии, жди пенсию, внучат умудазуму учи. А небо вечернее в августе и здесь, правда, удивительное! Не хуже чем у нас. И цветы на Земле красивые...

Борис Алексеевич вдруг встрепенулся, рывком сел на кровати.

– Ты о чем говоришь?!

– Да ни о чем, спи, – сонная, отмахнулась Полина. – Валидол в тумбочке, если нужно.

– А я о чем говорил?!

– Да ворчал, как обычно, что я, слушала, что ли? – пробурчала старуха. – Да спи же ты, Господи, и мне не мешай, беспокойная твоя душа...

декабрь 1998 – январь 1999

Плазма

Огненный смерч поднял его высоко над землей и закружил в жестоком вальсе преисподней. Душа высыхала изнутри, как апельсин, ее оболочка лопалась, распадалась на миллионы искр, которые на мгновение становились новыми маленькими звездами. Что-то разорвалось в мозгу, и сознание с резким свистом вырвалось наружу. Затем наступила темнота, кромешная, как отчаяние.

Инженер Михаил Геннадиевич Володарский проснулся среди ночи в горячем поту, тихим сиплым голосом ругнулся по матушке и побрел в туалет, едва не наступив на котенка. В настоящее время он жил один, потому что жену и ребенка отправил в зимний дом отдыха кататься на лыжах и дышать свежим воздухом. Самому до отпуска было еще далеко, правда, послезавтра по всем признакам должна была наступить долгожданная суббота, и Михаил Геннадиевич намеревался съездить проведать семью, да и отдохнуть заодно.

Но то, что творилось с ним последнюю неделю, заставило его включить в список ближайших планов еще один пункт, самый важный. Завтра же, не откладывая, необходимо встретиться со школьным другом, психологом, тонким, умным человеком. Так больше не могло продолжаться.

Михаил Геннадиевич, пошатываясь, оправился на кухню и, не включая свет, жадно выпил полчайника кипяченой воды. Внутри него всё горело, словно он только что побывал на Сахаре или выпил накануне пузырь водки, перед глазами прыгали яркие белые, желтые и оранжевые пятна-вспышки, и было страшно. Он никогда особо не жаловался на здоровье, и с психикой у него всё было в норме, по крайней мере, до недавней поры. Ну, конечно, сильно он в последнее время уставал, вечером сваливался с интересным журналом на диван, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой. Жена даже подумала сперва, что у него любовница завелась, которая так утомляла... Несмотря на усталость, он плохо спал – ворочался, кашлял, бегал курить, хотя спать очень хотелось.

Но приступы усталости, как почти у каждого работающего человека, случались с ним и раньше, ничего сверхъестественного в них не было. Помогали витамины, многочасовые прогулки, алкоголь в умеренных дозах, а отпуск совершенно восстанавливал силы. Но чтоб такое случилось, как теперь... И денег нет, как назло. Можно было бы отпуск за свой счет попросить, а где он, этот счет-то, ау?!

Михаил Геннадиевич взглянул на светящиеся стрелки часов. Было пять часов утра, все нормальные люди еще спали блаженным сном. Он, кряхтя, полез в аптечку, нашел градусник и, пока мерил температуру, курил и размышлял. В том, что температура была нормальная, он был уверен. Может быть, она резко поднималась во сне, но спустя всего пару минут всегда опускалась до привычной своей отметки.

Что же произошло в эту ночь?

А то же, что несколько ночей подряд. Михаил Геннадиевич горел во сне. Вернее, сначала, в момент зарождения сна, горел весь окружающий его мир. И не просто горел, как костер на даче, а полыхал изнутри плотным белым огнем, плавился в нем, становился бесформенным, состоящим из дырявых черных лоскутов, словно целлофан в пламени спички. А сам Михаил Геннадиевич стоял посреди огромного, становящегося огнедышащей плазмой мира, и смотрел, оцепенев от ужаса, как сужается вокруг него адское слепящее пространство, и островок, на котором он стоял, становился все меньше. Как животное, он дико озирался по сторонам, стараясь сжаться в комочек, стать крошечным, провалиться сквозь землю. Как животному, ему не приходила в голову мысль прорваться сквозь пламя – это было невозможно, потому что огня, как такового, не было, а был только огненный цилиндр, опоясывающий его, единственного чудом уцелевшего во всей вселенной. Почему-то он был уверен, что остался совсем один,

что он – последний, что после него уже ничего не будет. Просто раскаленное газовое кольцо, сжавшись, поглотит его, станет на мгновение последней яркой звездой и погаснет, превратившись в исполинскую черную дыру. Пространство сужалось с дикой скоростью, и у Михаила Геннадиевича начинали шевелиться от жара волосы, пот выедал глаза, тело краснело и покрывалось волдырями. Боли не чувствовалось, только мозг протестовал, не хотел погибать, превращаться в новое аморфное вещество. Но стена приближалась вплотную, и Михаил Геннадиевич сам становился пламенем, его молекулы сливались с частицами поглотившего вселенную газа. Когда ничего не оставалось, начинала плавиться душа, самое твердое и тугоплавкое, что было в нем. Так последним сгорает пораженный злокачественной опухолью орган в печи крематория. Наверно, у души были глаза, свои, независимые от тела, которого уже не было, потому что как только душа сама превращалась в газ, тут же вокруг становилось темно и пусто. Михаил Геннадиевич просыпался. Обычно спасительное пробуждение наступало в промежутке от четырех до пяти часов.

Некоторое время он приходил в себя после пережитого во сне, начинал ощущать поначалу совсем чужое тело, чувствовать наличие души. Иногда, как в последнюю ночь, очень мучила жажда, а временами хотелось просто лежать в темноте, не шевелясь.

Побродив с четверть часа по пустой неосвещенной квартире, Михаил Геннадиевич снова лег в постель, долго не мог заснуть, а затем провалился куда-то до восьми часов, до ненавистной трели электрического будильника. Обычно после ночного пробуждения кошмар до утра больше не доставал его. Почти сразу же он позвонил другу-психологу – тот был уже на работе.

– Эдуард, слушай, дружище, можно к тебе заскочить на полчаса? У меня есть проблема по твоей части. В долгу не останусь.

Получив, как всегда, утвердительный ответ, Михаил Геннадиевич позвонил на службу, предупредил шефа, что немного задержится, и вылетел из дома, даже забыв про чай.

Вскоре он был у доктора, принят без очереди и весьма радушно.

– Ну, старый, что стряслось? – откинулся на спинку кресла и широко улыбнулся толстый, располагающий к себе взъерошенный мужчина сорока пяти лет в сильных, слегка затемненных выпуклых очках.

– Горю, – коротко ответил Михаил Геннадиевич.

– На работе, что ли?

Да какое – на работе! Буквально горю.

– Знаешь, старый, случаи самовозгорания людей, говорят, известны, но лично я с ними не сталкивался, в подлинно научной литературе о них не читал и в них не верю, – уже более серьезным тоном, значительно произнес доктор.

– Эдик, да я – во сне, – и Михаил Геннадиевич подробно, хотя и несколько путано поведал о своих странных ночных видениях.

– Да, – протянул Эдуард, – ну, дела. – И старика Фрейда тут ни за что не притянешь. А работаешь ты сейчас много?

– Как всегда, себя не берегу. Премии обещали дать, если к сроку проект сдадим, а время сам знаешь, какое. Вот и приходится вертеться.

– Ну, это просто нервы у тебя запущены, старый, и никакой психологии. Читай детективы, смотри на ночь телевизор. Что-нибудь легкое. Только не о политике и, упаси бог, не об экономике. Клипы, например. Тебе что из современной музыки нравится?

– Ну, «Битлы», «Квин».

– Это не современное. Сейчас их редко показывают, да и чокнутые они. Нет, легче, легче. Знаешь этих – как там – хали-гали, трали-вали, вы такого не видали.

– Эдик, ты что, забыл, сколько мне лет? – обиделся Михаил Геннадиевич. – У меня сын пятнадцатилетний эти трали-вали смотрит.

– И правильно делает! Поэтому ему никакие плазмы не снятся. И чертики в глазах не прыгают. И Христос пальцем не грозит. Это наше поколение сдвинулось на том, что, мол, за все в ответе, все его волнует. А ты не волнуйся! Смотри на всё с улыбкой и будь проще, старый. И обязательно съезди куда-нибудь в отпуск. В Прагу советую – умиротворяет и бодрит. А еще я дам тебе полпачки швейцарских таблеток для успокоения нервов. Коньячок советую пить на ночь, рюмки две, но не больше четырех. Они твои пожары точно потушат. А что такое плазма, кстати? Я плазму крови знаю, а в физике не очень...

– Плазма – раскаленный ионизированный газ, – пояснил Михаил Геннадиевич, – из него состоят звезды. Вот они-то и окружают меня, испепеляют всё...

– Ну-ну, – покачал большой мясистой головой врач, – пожалуйста, не так драматично. Звезды его, видишь ли, окружают! Держи таблетки, помни мои наставления и исчезни до следующей недели. В среду я тебя жду, будем с тобой дальше работать.

Из кабинета друга Михаил Геннадиевич вышел чуть прибодрившийся, но пока именно чуть. Психолог Эдуард был хороший, но несколько зацикленный на типичных случаях – у одного жена ушла, другой без работы сидит, третий хочет стать депутатом. Нестандартные, не вписывающиеся в общую канву проявления сдвига по фазе сначала всегда ставили доктора в тупик. Но Михаил Геннадиевич не сомневался, что Эдик, несмотря на внешне наплевательское отношение к данному делу, будет серьезно думать над его случаем и при следующей встрече скажет гораздо больше.

Перед сном он выпил сто грамм коньяку, две таблетки от стресса, но горел снова, проснулся среди ночи и, со злости, допил оставшиеся полбутылки. Утром он, слегка пошатываясь, вяло собрал вещички и отправился на автобус, который должен был доставить его в чудесный мир зимнего леса, раздетых берез, щедро украшенных ожерельями инея, и хвои, укутанной снежными одеялами.

В окно автобуса вдруг брызнуло лимонное зимнее солнце. Несмотря на то, что это редкое в последнее время в Москве явление обрадовало многих пассажиров, заставив ненадолго сбросить маску вековой печали, оно не воодушевило Михаила Геннадиевича. Он, как вампир, ангел ночи, стал бояться солнца, прятался от него, потому что слепящий диск на небе напоминал об огненных кошмарах. К неудовольствию своей случайной попутчицы он плотно сдвинул занавески и отвернулся.

– Вы не любите солнце? – удивилась она, молоденькая девочка, по виду аспирантка в области медицины.

– Не люблю, – сквозь зубы произнес Михаил Геннадиевич, давая понять, что не желает продолжать разговор.

– Простите, может быть, у вас болят глаза? Я врач офтальмолог, могла бы посмотреть...бесплатно..., – смущенно пролепетала девушка, – не здесь, конечно, а в клинике.

– Спасибо, глаза у меня в порядке, – как можно вежливее отшил ее Михаил Геннадиевич и даже попытался улыбнуться.

«Да, глаза в порядке. А остальное всё в полнейшем беспорядке! Тебе бы плавиться на солнце каждую ночь, по-другому бы заговорила. И вообще, в последнее время я что-то часто общаюсь с врачами. Да что это я, в конце концов? Отдыхать ведь еду. А девочка миленькая, одна. Жаль, что я так и не научился изменять жене», – сумбурно подумал Михаил Геннадиевич и незаметно для себя задремал. Лучик солнца всю дорогу до дома отдыха легонько щекотал его жесткую рыжую бороду, но страшный сон присниться не успел – приехали. Автобус шумно остановился, отдуваясь, как больной отдышкой.

Жена Ольга с сынишкой Сергеем уже поджидали его на остановке и радостно замахали руками.

– Обед через час, лыжи в прокате, живем во втором корпусе с видом на ледяное озеро! – быстро отрапортовала Оля. – Ну, Мишка, посмотри вокруг-то! Меланхолия тебя погубит.

– Она сама от меня погибнет, – неопределенно пошутил Михаил Геннадиевич.

После короткого знакомства с окрестностями дома отдыха и сытного обеда в столовой семейство Володарских гуськом выехало на снежные подмосковные просторы, плавно скользя по гладкому, запорошенному ледку вытянутого, как ухо спаниеля, озера.

Они шли по бескрайнему снежному полю, крошечные точки на бело-синем пространстве, и им, всем троим, казалось, что нет больше вокруг привычного земного мира с его мелочной возней, достойной лишь крыс. Вокруг них высились деревья – остро царапали небо тонкие березы и достойно держали небосвод, как атланты, темные верзилы-сосны. Уже вечерело, и солнце скрывалось за близким, осязаемым горизонтом, к которому шли затылок в затылок люди, не обремененные ни славой, ни деньгами, ни боязнью потерять всё. У них не было ничего – они могли потерять лишь себя и жизнь, далеко не всегда баловавшую их, но сулящую иногда маленькие радости, ради которых и стоит жить. Они жадно вдыхали обжигающий, свежий до безумия морозный воздух, ползли по хрустящему насту молча, сосредоточенно сопя, иногда оглядываясь, чтобы, не дай бог, не потерять друг друга из виду. Каждый по-своему, в силу причин, связанных с возрастом, полом и характером, понимал, что только сейчас живет в полную силу, сливается с жизнью, словно буддийский монах, упивается ею, освобождается от всего наносного, вредного и ненужного. Зимний лес Подмосковья очищал, совсем незаметно разбирая и собирая вновь, по молекулам, тело и душу. Можно было идти без конца, на сколько хватит сил. И не беда, что за первой же лесной рощей можно было встретить грязного «Жигуленка» или, как одну из примет нашего времени, сверкающий «Мерседес». Ощущение полного слияния с природой, освобождения от оков бытия слабее от этого не становилось. Может быть, близость цивилизации даже помогала, потому что избавляла привыкшего к искусственному миру человека от глубинного неприятия одиночества.

Внезапно две темные полосы леса слева и справа расступились, и Михаил Геннадиевич, который шел первым, увидел прямо перед собой изумительную картину – фиолетовое небо разрезала поперек розовая с красными прожилками полоса заката. Она сверкала и манила к себе, словно расщелина, ведущая в иной мир. Чем темнее становилось небо, тем ярче пылала божественная черта. А сосны, задевая ее края своими скелетами, бесцветными, как тени, выглядели словно узники на инквизиторском костре, шептали тихую молитву, принося себя в жертву ночи. Это было настолько красиво, так завораживало, что Михаил Геннадиевич, даже забыв на какой-то миг о семье, догнавшей его, сломя голову помчался навстречу кровотокающему надрезу на небосводе, махая палками и улюлюкая, как дикарь. Никогда ни летние дымчатые луга, ни виды заморских стран, ни водка не делали его столь счастливым. Он упивался бы морозным наркотиком из кальяна леса до беспамятства, но услышал позади себя требовательные возгласы, извещавшие о том, что пора возвращаться на базу. Через полчаса в двух шагах впереди ничего не было видно, шли ощупью, шажками, молча, немного даже побаиваясь.

Семейство прибыло в дом отдыха перед самым ужином, крайне уставшее, но довольное. Сходили в кино, на тупой американский боевик, попили перед сном кефира и отправились спать.

– Ну, оттаял? – широко зевая, по-доброму спросила жена. – А то ты днем какой-то пасмурный был.

– Устал я, Оленька, – согласился Михаил Геннадиевич, с трудом стаскивая ставшие деревянными носки. – Вроде отхожу. Замерз только...

– Завтра я сама тебе скажу, что надеть, и не спорь, – заверила Ольга, – мужчины ведь как дети, за ними смотреть нужно. Ну, ничего, забирайся скорее под одеяло, согреешься. Спокойной ночи.

– Спокойной, – мурлыкнул Михаил Геннадиевич, свернувшись калачиком на койке и ощутив себя большим счастливым котом, объевшимся жирных рыбных тушек. Он был настолько убежден, что будет спать легко, глубоко и спокойно, так распирало его изнутри от насыщенного кислородом и особым ароматом воздуха, что он и думать забыл о мучившей его плазме.

Трудно сказать, сколько времени Михаил Геннадиевич проспал без сновидений, но где-то на экваторе ночи черное небытие сменилось ясной и резкой картинкой пережитого вечером. Вокруг высился лес, а впереди маячила полоска заката. Он шел навстречу ей, один, и розово-оранжевый штрих неба притягивал, словно губы любимой женщины. И – странное дело – она не удалялась от него по закону горизонта, а наоборот, быстро приближалась, становилась ярче, шире, заполняя собой половину небосвода! Вдруг Михаил Геннадиевич увидел, что края горизонта как бы выгибаются в его сторону, образуя цилиндр, и спустя мгновение он уже был окружен им со всех сторон. Он снова, как в прежних снах, оказался на островке, на этот раз снежном, но снег быстро таял, пузырился и бурлил. Таял и лед, но Михаил Геннадиевич оставался на поверхности, плавая, как в невесомости, в облаке белого пара и судорожно хватая ртом уже не освежающий, а раскаленный, как в кузнице, воздух. Он пытался кричать, но во рту всё спеклось от жара, и из глотки вырывался лишь стон, исполненный боли. Багровое кольцо сжималось и уходило вверх бесконечным столбом пламени. Он закрыл руками лицо, повинувшись неизбежному, и почувствовал, как огонь подбирается к его душе, чтобы испепелить ее всю...

Михаил Геннадиевич громко застонал, скорее зарычал даже, сбросил на пол подушку и вскочил. Щелкнула и вспыхнула настольная лампа, проснулись Ольга и Сергей. Сын посмотрел на взъерошенного отца мутными, ничего не понимающими спросонья глазами и вновь завалился на кровать. Жена подошла.

– Что, Миша, сердце?

– С чего ты взяла? – попытался успокоить ее Михаил Геннадиевич непослушным хриплым голосом. – У меня здоровое сердце. Это просто сон. Скверный сон. Извини, что потревожил.

– С Сережкой что-нибудь? Во сне?

– Нет. Со мной. Это касается только меня, спи, пожалуйста. А я схожу в коридор, покурю, успокоюсь.

Он вернулся через десять минут, лег, накрылся, как испуганный ребенок, одеялом с головой, но не мог уснуть еще час. С этой минуты он стал мечтать о том, чтобы скорее наступила среда. Эдуард обязательно что-нибудь придумает. Не даст ему умереть. Пошло всё в жопу, только бы это прекратилось...

Его больше не радовал зимний лес, ему хотелось в Москву. Он уехал сразу после завтрака, не обращая внимания на непонимание и обиду жены. Едва оказавшись в городе, Михаил Геннадиевич сразу позвонил из телефона-автомата Эдуарду домой. Ждать среды он не мог. После короткого разговора он забежал в ближайший магазин, купил бутылку коньяку и спустился в метро.

Эдуард был один в квартире (жена, тоже врач, умотала на конференцию в Финляндию), ходил, несмотря на одиннадцать часов, нечесаный, в пышном свитере, делающем его объемную фигуру еще необъятнее, пальцами левой руки сжимал потухшую папиросу.

– Договорились же в среду, – буркнул он, – что это? Коньяк? Армянский? Это другое дело, – оживился Эдуард. – Ненастоящий, конечно, но всё равно приятно. Сейчас, сейчас, у меня лимончик был где-то. – Я, старый, думал о твоём случае. В рабочее время, разумеется.

– Я не сомневался, – обрадовался Михаил Геннадиевич, откупоривая бутылку. – Я ж тебя знаю. Скоро сорок лет будет, как знаю.

– Пьешь коньяк на ночь? – строго спросил доктор.

– Пью. Не помогает. Ничего не помогает. Даже лес подмосковный.

– Это – полная хана, – почти серьезно протянул Эдуард. – Рак души. Вылечить невозможно.

– Ну тебя, – горько махнул рукой Михаил Геннадиевич, выливая содержимое пухлой рюмки целиком в рот, – всё тебе смешно. Что делать-то, скажи, ты же врач, должен помочь!

– Психические расстройства лечатся только с помощью самого больного. Как впрочем, и все другие болезни, даже абсолютно телесные, – сказал Эдуард. – Я тебе помогу.

– Ну!

– Ничего сложного, на самом деле. Это страхи, старый. Ты боишься. Чего именно? Жизни боишься. Действительности. Судьбы боишься. Тут и наше телевидение сыграло роль через твою чрезмерную восприимчивость к негативной информации. Раньше что? На полях страны светло и радостно, пятилетку завершили в четыре года, спутники по небесному куполу ползают, самолеты строят, американцы нас уважают, генсек челюстью – туда-сюда. Я не о том говорю, что нужно к старому возвращаться, но так нельзя! Всё горит мол, всё рушится. Ни просвета, ни привета. Многие не выдерживают, каждый по-своему. Лучше бы меня по телевизору показывали. Я же – вот! Поправляюсь. И никакой не новый русский. И даже не еврей. Дед мой был эстонский рыбак, бабка белоруска, из деревенских девок. У меня «Нива», которой десять лет, долгов полторы тыщи баксов, селезенка болит, сын мудака, шляется черт знает где. А я живу, и ничего. Вот харю мою показали бы, многим легче бы стало. Значит, можно жить. Нужно, старый.

– К чему ты клонишь? – не выдержал Михаил Геннадиевич. – Ты по делу говори. Какие страхи? Я ничего не боюсь! В армии я даже дедушек имел в виду. Меня даже почти не били, потому что я не боялся.

– Тогда не боялся, а сейчас боишься, – крикнул доктор, выпивая. – Твое здоровье.

– Ну, скажи, чего я боюсь, по-твоему? Ничего не боюсь!

– Тебе только кажется так! – воскликнул Эдик, начиная слегка раскачиваться на стуле после четвертой рюмки. – Ты меня слушай, старый. Этот страх внутри тебя, и он даже не связан с чем-то конкретным. Если страх – направленный, тогда проще. Страх лишиться работы, карьеры, любимого человека, собственной жизни, наконец. Здесь же – особый случай. Если хочешь, это что-то вроде собирательного образа страха. Агрессивная среда концентрируется вокруг тебя в виде той самой ночной плазмы.

Доктор тяжело поднялся, прошелся по комнате, посмотрел в окно.

– Вон она стоит, зеленая. Пороги гниют, а так машина еще добрая. Правда, я в ней уже с трудом помещаюсь. Это я о «Ниве». А насчет тебя всё элементарно. Ты должен побороть страхи, старый. Должен раздвинуть руками огненное кольцо, как бугай в цирке. Оно горячее и, может быть, будет больно, даже во сне. Но иного выхода нет. Ты же человек, ты сильный! Ты ведь не зверь, который пятится на последний уцелевший пяточок объятых пламенем леса! Ты должен разжать кольцо. Оно только кажется страшным. На самом деле оно – картонное, да, старый, просто нарисованное твоим подсознательным воображением, как очаг в доме Папы Карло. Проткни его носом, и ты увидишь за дрянным холстом другой мир. Не стой на месте, иди на прорыв, чего бы тебе это не стоило. В самом худшем случае у тебя случится инфаркт, но на первый раз тебя откачают.

– Ну, Эдик, спасибо! – мрачно кивнул Михаил Геннадиевич, наливая по пятой. – А в самом лучшем?

– А в лучшем случае, Миша, ты выйдешь победителем из этой муры, которая выеденного яйца не стоит, и будешь меня благодарить до конца своих дней. Понял, старый? Давай по последней дернем, и проваливай, мне еще убраться нужно, бардак в доме жуткий.

Ровно в среду, только не на этой неделе, а на следующей Михаил Геннадиевич снова позвонил Эдуарду.

– Ну, как дела? – хрипло заорал доктор в трубку. – Инфаркта не было?

– Нет, в общем, ничего, – задумчиво ответил Михаил Геннадиевич. – Я разорвал кольцо.

– Больше не горюшь, старый? Ну, вот видишь! С тебя восемь стаканов! С закуской!

– Эдик, подожди...

– Что ты такой кислый? – удивился доктор. – Теперь-то почему?

– Понимаешь, – уныло продолжил Михаил Геннадиевич, – стою я теперь каждую ночь на маленьком острове, а вокруг меня бескрайний океан. И нет у меня ни лодки, ни даже бревна. И корабли мимо не проплывают. А вода подходит всё ближе, островок становится всё меньше, я быстро погружаюсь в холодную синюю пучину, набираю полные легкие воды, кашляю, задыхаюсь. И тону...

январь 1999

Прогулка над бездной

Свет у Людмилы Петровны горел в три часа ночи во всей квартире. Испуганная старушка лет семидесяти пяти стояла в коридоре и наблюдала за привычной, слаженной работой двух дюжих молодцов в белых халатах, которые делали свое дело быстро и, хотя ситуация к этому отнюдь не располагала, как-то с юморком, что ли.

– Миша, ты что, озверел? Накинь что-нибудь на него, женщина же смотрит! – весело рычал усатый, высокий костистый врач на такого же крупного, но помоложе, полного безусого санитаря.

– Может, костюм ему прикажешь надеть, Иваныч? – проворчал пухлый Миша. – С галстуком?

– Костюм на него в другом месте наденут. Если мы не успеем доставить его по назначению, – объяснил доктор Иваныч. – Ну, давайте, тащите!

– Кто? Я один? Я что, на Геракла похож? – возмутился санитар.

– Похож ты... Я тебе потом скажу, на кого... Что значит – один? – вдруг взревел врач. – Ты единственный, что ли, со мной работаешь? Где Фролов?! Он что, в скорую помощь расслабляться пришел?

– Идет он, поднимается. Лифт же не работает, – заступился Миша за неторопливого коллегу.

– За лифт я не отвечаю, а он у меня точно работать не будет! Пускай между сессиями беляшами торгует или читает лекции о вреде онанизма! Тоже мне, врачи будущие! Шалопай, трутни, мать вашу! Человеку херово, а они – как черепахи в зоопарке! Простите, – кивнул доктор хозяйке.

Тут как раз появился запыхавшийся Фролов, долговязый студент-медик, заспанный и скучный, подхватил с другой стороны носилки, на которых покоился некто, накрытый грубым фиолетовым одеялом, и мужики принялись транспортировать больного к двери.

– Дышит он? – снова взревел Иваныч.

– Да вроде дышит, – неуверенно подтвердил Миша, – правда, очень слабо. Сами же пульс мерили, Александр Иванович.

– А какого же, хм, хрена ногами вперед тащите?! Еще хотите покойника бригаде приписать? А ну, развернись! – громовым голосом ротного на батарею скомандовал доктор.

Двое, не считая одного лежащего, кое-как развернулись в тесном коридоре и стали спускаться, и пока они, отдуваясь и тихо чертыхаясь, несли свой добровольный крест, врач Александр Иванович пытал бедную Людмилу Петровну.

– Милицию вызывать не будем, ни к чему. Вам – дополнительная травма. Документы мы заберем. А так, вообще-то, кто он? Родственник, знакомый?

Людмила Петровна заволновалась еще больше, зашлепала губами, неловко поправила халат, заговорила скороговоркой:

– Всего два месяца его знаю, постоялец он. Химик. Вы не думайте, всё по закону, прописка московская, человек он смирный, платит немного, но не задерживает.

– Да ничего я не думаю, – устало отмахнулся Александр Иваныч, – алкашил он? Пил?

– Пиво пил, видела, да кто ж его не пьет! А пьяным – ну так, чтобы в глаза бросалось, – нет, не заваливался. Я забот с ним никаких не знала – смирный человек, интеллигентный. С родителями, говорит, жить не желаю, самостоятельным хочу быть. Много, видать, работал, приходил поздно. Чем он по ночам занимался – не мое дело, может, спал, может книжки свои научные читал... Телевизор старый, черно-белый, я ему отдала...

– Ну, дальше, – нетерпеливо произнес врач.

– А давеча вот, знаете... Что-то мне показалось посередине ночи, – сердце у меня не так стучит, – всхлипнула Людмила Петровна, – я за валокордин схватилась, тридцать капель в рюмку накапать хотела, да руки-то уже как крюки, не держат! Пузырек-то возьми да упали, и упал прямо между стенкой и кроватью. Я руку просунула, а не достаю, надо кровать отодвигать. А отодвинуть никак не могу, тяжелая! Я заплакала и пошла к нему стучаться – неудобно человека будить, а что делать? Мужчина, ему – пара пустяков, а я бы не забыла, приготовила бы на ужин что-нибудь вкусненькое, пенсии не пожалела бы...

– Дверь не заперта была? – перебил врач.

– Там крючок есть, но он никогда не запирается – чего от меня запирается, возьму я что? И сама я не запираюсь. Вот... Стучала я, стучала – не открывает. Тогда я дверь отворила и вошла... А он лежит на кровати вытянувшись, на спине, как покойник, и совсем голый, срамной. Нос у него был острый, как из воска сделанный. Я чуть со страху не померла – никакой валокордин не помог бы, откуда только силы взялись, чтобы прямо там не упасть! Но тронуть его не решилась, а сразу побежала вам звонить...

Александр Иванович пошарил глазами по комнате, рванулся к столу, пристально осмотрел что-то, и со злобой, но в то же время удовлетворенно, произнес:

– Ага, химик, значит... Кокаин. Нет, однако, не кокаин. Тот белый, а этот желтый какой-то, как мука дрянного сорта. Что это? – обратился он к старушке.

– Да откуда ж мне знать, сынок, – совсем растерялась Людмила Петровна, – я ему комнату сдала, и ни на что его не смотрела. Прибиралась иногда, да мало ли что там у них, у химиков-то... А скажи, сынок, не соври – не посадят меня за это? Может, бомбы он делал, мирных граждан в метро взрывать?

– Он свою жизнь взорвал, – с достоинством, сознавая собственное превосходство, произнес врач, аккуратно собирая порошок в маленький целлофановый пакетик – И не жил ведь еще, дурак. Химик... По паспорту – двадцать восемь лет. Имя красивое – Ярослав.

– Что же, умрет он? – всплеснула руками Людмила Петровна.

– Сейчас узнаю, – бросил врач, уже скатываясь вниз по грязным стершимся ступенькам.

А история Ярослава, по молодости без отчества, была проста, хотя и не совсем обычна. Ну, работал он, инженер-химик по образованию, в какой-то закрытой лаборатории, делал то ли лекарства, то ли еще что – Бог его знает. Несмотря на трудные для науки времена исследования эти финансировали, зарплату, пусть невысокую, но выдавали регулярно, работа Ярославу нравилась. Здоровьем он был не обделен, несмотря на то, что был тонок в кости и слегка бледен. Водил дружбу-любовь с девушкой, маленькой и нежной, к химии отношения не имеющей, собирался на ней в скором времени жениться, снимал, как мы уже знаем, комнату. С девушкой Наташей он встречался, как сейчас говорят, «на ее территории». Был общителен, вежлив и неглуп. Короче говоря, жизнь у Ярослава складывалась пусть не блестяще, но вполне нормально.

Как знать, может быть, именно эта «нормальность», как ни парадоксально, и явилась причиной внутренних, беспричинных приступов тоски, иногда, раз или два в месяц, точившей его молодую, не совсем еще окрепшую душу. Тогда ему становился не мил весь белый свет. Он грубо и отрывисто отвечал на вопросы, избегал встреч с Наташей. Всё вокруг было не то, не так, нелепо и страшно. Как будто должен был он находиться в это время в другом месте, и лишь из-за досадной ошибки неизвестно кого влачил жалкое существование, обычно его устраивающее. В таком состоянии он, всегда покладистый, мог наорать на кого угодно, невзирая на должности, разбить стеклянную колбу – случайно или нарочно, бывало, стискивал зубы и закрывал ладонями глаза... Коллеги, хорошо знающие его, советовали:

– Яр, ну чего маешься-то? Тоска – как вирусная зараза, ее лечить надо. Антибиотики принимать. Сходи возьми полкило лекарства, легче будет. А мы тебе компанию составим.

– Не пойду, – огрызнулся Ярослав, – отстаньте, Христа ради.

– Зря. Может быть, организм требует, а ты его насилуешь! Может, в генах у тебя тоска сидит. И душа требует противодействия ей, тоске, посредством введения в кровь веществ, содержащих гидроксильные группы.

– Воздержусь, – отрезал Ярослав и отходил в сторону.

Глядя на товарища, ученые мужи сами начинали тосковать и шли в магазин. Конечно, Ярослав пробовал лечить болезнь души водкой, и сначала это как будто помогало, разгоняло непонятное чувство безысходности и тихого, тупого отчаяния. Но помогали только достаточно большие дозы. Малые напротив делали тоску тяжелее и горше – выть хотелось. И он быстро понял, что на следующий день после принятия адекватного количества становится еще более скверно, к психологическому дискомфорту добавляются физические страдания всего организма. Возникла зависимость, а Ярослав, который всегда ценил свободу вне себя и в себе, не мог с ней мириться. Поэтому однажды он полностью перешел на пиво, от которого не становилось ни лучше, ни хуже.

Пару раз предлагали Ярославу радикальный выход – от марихуаны до морфия. Но наркотиков он боялся, как огня, даже думать о них не хотел. Может быть, в глубине души он понимал, что именно они могут помочь в часы невыносимой печали, но если, не дай Бог, это понравится – то уже навсегда.

В последнее время, правда, приступы стали случаться немного реже и протекали легче, чему способствовала Наташа. Она старалась увлечь его тем, что он любил. Тогда они шли вечером в театр или на художественную выставку, если был выходной. Либо у нее дома занимались любовью при свечах. Наташа жила одна в маленькой однокомнатной квартирке с высоченным потолком, которую подарил ей отец, бывший солдат, вернее, офицер партии. Ярослав сперва сопротивлялся некоторому, пусть и доброму, насилию, но потом подчинился порыву любимой женщины и стал принимать ее бескорыстную помощь как должное. Он бывал груб и с нею, и облегчение, как правило, едва ощущалось, но всё же тяжелые часы проходили чуть быстрее, и вскоре жизнь возвращалась в привычное русло – до следующего раза.

Наташа работала в торговой фирме, занимающейся венгерским рынком, хорошо знала язык венгров и часто летала в Будапешт на переговоры. В тот роковой вечер Ярослав остался в лаборатории один и ждал Наташиного звонка, чтобы договориться о встрече. Она позвонила около семи часов, но то, что он услышал, не предвещало для него ничего хорошего:

– Яр, миленький, мы не сможем сегодня увидеться. Я должна была лететь в Венгрию завтра утром, но шеф настоял, чтобы летела с делегацией сегодня. Ради Бога, не надейся глупостей. Через два дня вернусь, и будет нам с тобой хорошо-хорошо...

Ярослав сжал трубку так, что мелко затряслась вся рука.

– Хорошо, говоришь? Тебе ведь всегда хорошо, да? Что со мной, что без меня. Я знаю, что на самом деле тебе на меня наплевать. Ну и ладно! Одному даже легче. Не нужно притворяться.

– Яр, я не заслужила такого тона. Я ведь и обидеться могу, – не повышая голоса, сказала Наташа. Правда, она никогда не обижалась или, по крайней мере, очень ненадолго.

– Лети, лети в свой Будапешт! А можешь и подальше, – крикнул Ярослав и с силой бросил трубку на аппарат. Она закурил, опустился на стул и огляделся вокруг. Ничего нового – столы, колбы, шланги, трубки, печи, инструменты, компьютер. Опостылело всё. Как писал поэт – живи еще хоть четверть века, исхода нет...

Многие люди в подобном состоянии выручают себя именно работой, но Ярославу это не удавалось. Он мог работать лишь в состоянии душевного покоя, которого сейчас не было.

В отчаянии он смахнул со стола несколько прозрачных емкостей – пробирок и колбочек – на пол. В тишине послышался жалобный звон разбиваемого тонкого стекла, пластиковая трубка оборвалась и свернулась в спираль. Содержимое емкостей, белые и желтые порошки, рассыпалось, словно на кухне у неловкой хозяйки.

Эта маленькая катастрофа чуть-чуть вернула Ярослава к жизни. Он покачал головой, выругался, осуждая себя за содеянное, и пошел за веником. Порошки он собрал на лист плотной бумаги, старательно вычистив щели и углубления в старом потрескавшемся линолеуме.

Ярослав осторожно понес картонку к урне, стараясь ничего не рассыпать. Он немного простудился в последнее время (было межсезонье с его коварными ветрами, слякотная агония зимы) и чихнул на весь этаж опустевшего института. Облако порошка окутало его, заставило чихнуть еще пару раз. Ярослав задержал дыхание, но чихнул опять, уже не так смачно, и остановился, поневоле вдыхая мелкие частицы, распыленные в воздухе.

Внезапно плотный, почти забытый по прошлым алкогольным возлияниям дурман ударил ему в голову, но затем вдруг стало необычайно легко. Странное, неизведанное ощущение окутало его с ног до головы. Ярослав почувствовал, что находится уже не здесь, в тесном казенном помещении лаборатории, что он уже оторвался от земли, что он парит в небесах, как Икар! Он летел над бездной – огромной пастью желто-красной пропасти, знакомой по старым приключенческим фильмам, которые когда-то в юности вызывали в нем восторг соприкосновения с настоящей жизнью, не давали спать ночами. Далеко внизу бурлила горная река, темная, широкая и сильная, как вена атлета.

Воздух, ставший твердым, раздувал готовые взорваться, подобно глубоководным рыбам, вытасненным на поверхность, легкие, вдавливал внутрь глаза, сжимал всё тело. Непонятно было, какая сила несла Ярослава над бездной и не давала ему упасть. Он еще не мог осознать тогда, в первый раз, что полет над этой пропастью – его видение настоящей жизни, мечта его юности. Настоящую жизнь придумал не он, она досталась ему против его воли. Никто не спрашивал его, какой жизнью он хочет жить. Кто-то решил это за него. Большинство людей взрослеют, становятся добропорядочными (или не очень) гражданами, одерживают маленькие победы, переживают незначительные поражения. Им не нужно отрывать от земли. Кто-то решил, что и ему – не нужно. И очень сильно в этом ошибся.

Река извивалась внизу, подобно змее, и несла в себе какую-то неясную идею. Во всем есть идея – никогда Ярослав не сомневался в том, что это так. Трава на лугу, птица над ним, загадочная морда кошки, хитрое лицо женщины, даже грязный бездомный попрошайка у мусорного бака – все несут на себе печать своей необходимости в мире. Не будь чего-нибудь одного – мир станет неполным, усеченным, как неправильная геометрическая фигура. И полет Ярослава, маленького богом забытого человечка над одним из величайших разломов земной тверди – тоже был одним из обязательных явлений вечной жизни. Он еще не чувствовал, как ему хорошо. Ему еще предстояло разобраться в своих ощущениях. Тогда он только смотрел – и видел. Внизу блестела вода. Справа и слева высились лишь отвесные оранжевые камни. Сверху нависало яркое матово-синее небо. Это было как чрево жизни, потаенное и величественное место матери–земли.

В первый раз видение продолжалось всего несколько секунд, хотя для Ярослава они показались несколькими часами. В один миг всё пропало. Исчезли бездна, река, небо. Он лежал на боку, скрючившись в жалкой позе, и долго не мог пошевелиться, прийти в себя. Не хотелось верить, что вокруг него всё та же лаборатория, тот же постылый вечер. Что Наташа летит в Будапешт и думает о предстоящей работе, и до утра он остается совсем один... Впрочем, уже не совсем. С ним будут воспоминания о виденном, поразившем его навсегда.

Конечно, смесь порошков, которую нечаянно вдохнул Ярослав, была наркотической. Но после окончания действия она не оставляла ощущения разлада с действительностью, не было никакого утреннего синдрома. Он легко синтезировал эту смесь дома в своей комнате, взяв с собой необходимое количество порошков. По отдельности они не представляли собой никакой особой ценности, и можно было не опасаться, что кто-нибудь в лаборатории обратит внимание на исчезновение нескольких десятков граммов. Вся хитрость состояла в пропорциях – и только. Как из довольно безобидных веществ получается разрушительная взрывчатка, так и

из никому не интересных порошков Ярослав, сам того сознательно не желая, получил новое вещество – мечталитин. Так он его назвал – полушутя, полусерьезно. И в ту же ночь принял более сильную дозу, и летел над бездной очень долго – целую вечность. Очнулся он только утром и, не сомкнув глаз в привычном для нас понимании, отправился на работу. Но спать ему совсем не хотелось, напротив – он чувствовал себя бодрым, жизнерадостным, полным сил. Даже коллеги обратили внимание на его цветущий вид и удивились. Ярослав никогда таким не был, он, как говорят, будто заново родился.

Почему? Потому, что когда мечта, причем самая сокровенная и безумная, о которой нельзя сказать словами, вдруг становится явью, происходят необратимые изменения в организме человека. На клеточном, если не на молекулярном, уровне. Правда, если мечта не становится явью никогда, если покидает надежда, то человек просто умирает.

Ярослав, как мы знаем, всегда питавший неприязнь к наркотикам и остерегающийся их, принял новое спасение не как от дьявола, но как от Бога. Ему не пришло в голову бояться смеси, которую он сам создал. Ведь мечталитин, как мы тоже знаем, даже не имел побочных явлений. Даже совсем наоборот.

Опасность скрывалась лишь в одном. Мечталитин действительно не был обычным наркотиком – он представлял собой некое вещество, полученное давным-давно в замках колдунов древней Европы. Только секрет его был давно утрачен. И у него было лишь одно побочное явление. Просто через некоторое время, очень короткое, реализованная мечта выходила из-под контроля, становилась беспощадной, раздавливала и поглощала человека. Проявлялось это по-разному, но суть одна. Ведь жить в мире снов нельзя – рано или поздно наступает расплата. Тем более нельзя летать над бездной, как бы этого иногда ни хотелось.

Накануне приезда Наташи Ярослав закрылся в комнате (по привычке не заперся), разделся. Он не мог видеть себя со стороны во время полета, но отчего-то ему казалось, что одежда должна мешать, притуплять ощущения. Он принял дозу сильнее прежней примерно в три раза, вдохнул порошок всей грудью, как чистый лесной воздух в мае, и почти мгновенно оставил реальность.

Наташа примчалась в больницу прямо из аэропорта. Ее душа два дня была не на месте, мрачные предчувствия всё время отвлекали от дел. Переводила она хуже, чем обычно, допускала ненужные паузы, забывала слова. И, едва пограничный контроль был пройден, она побежала к телефону-автомату – звонить Ярославу. Трубку, естественно, сняла Людмила Петровна и, всхлипывая, поведала о случившемся, как могла.

Усталый пожилой врач, заведующий отделением, затрубил монотонным голосом:

– Сильная интоксикация, состояние комы. Предположительно, он принял сильнодействующий наркотик, с которым раньше мы не встречались. Порошок отправили на анализ, но пока формулу расшифровать не удалось.

– Да какая формула! – набросилась на врача Наташа чуть ли не с кулаками, готовая растерзать эскулапа, – умоляю, скажите, в каком он состоянии? Он будет жить? Могу я его видеть?

– Мы применили обычное в таких случаях лечение, – прежним тоном продолжал врач, не обращая внимания на безумства убитой горем девушки, – сделали частичное переливание крови, вкололи нейтрализующие вещества, задействовали стимуляторы... Сканировали мозг. Вы не медик? Тогда это вряд ли вам интересно. Поймите, мы здесь работаем, спасаем людей. Пытаемся спасти и его. Хотя не скрою, это будет очень, очень трудно...

– Где он?

– В четырнадцатой палате, налево за этой дверью. Но сначала ответьте на мои вопросы.

– Не сейчас, – отмахнулась Наташа и резко вскочила, – как вы можете?

– Вы должны нам помочь, – врач впервые посмотрел ей в глаза сквозь выпуклые стекла своих очков.

– Хорошо, – кивнула девушка.

– Он часто принимал наркотики? Сколько времени, в каких дозах? Разные или только эти? Это всё, что меня интересует. Мне не нужно знать, кем он работал и где доставал порошок – это забота других людей.

– Он работал в НИИ. Придумывал лекарства, или... оружие... я не знаю. Никогда не был наркоманом, ко всякой отраве испытывал отвращение, доктор, клянусь! Теперь я могу видеть его?

Врач кивнул, но ненадолго задержал ее, неожиданно и крепко схватив за запястье.

– Системы его организма работают нормально, но импульсы мозга очень слабые и... странные. Он как будто находится не здесь. Попытайтесь его разбудить, вернуть к нам. Только если вам удастся это сделать, мы сможем надеяться на лучшее. В противном случае – увы, нет.

Ярослав не мог знать, что находится в больнице, что привезли его сюда два дюжих санитара, что позже мужчины и женщины в белых халатах долго мяли его тело, кололи вены, давали кислород, подсоединяли провода к голове. Лишь мощный электрический разряд он почувствовал – увидел рядом ослепительную и бесшумную, как зарница, вспышку молнии на совершенно безоблачном полуденном небе. Ему так понравилась эта молния, расколовшая пространство от небесного свода до дна реки, что он захотел ее еще и ненадолго остановился, медленно кувыряясь в воздушных ямах. Но молнии больше не было. Тогда он, легко оттолкнувшись от воображаемой опоры, полетел дальше. Полет продолжался с большой скоростью, но пейзаж, различаясь в деталях, в общем, оставался тем же, был бесконечен до горизонта и за ним, как в зацикленной компьютерной анимации. То же небо, та же река, те же красноватые скалы, те же глубокие и острые, разрезающие горы, ущелья. Но в данном случае внешнее однообразие не утомляло, а наоборот, окрыляло его, словно иллюстрируя собою бесконечность жизни – пространства, материи, времени, духа. Впрочем, происходили также изменения, которых он сперва не замечал.

Небо, в котором поначалу не было ни намека на красный цвет, вдруг стало розоветь – едва заметно, как проступает румянец на лице сквозь густой слой макияжа. На горизонте, где-то далеко-далеко, у края мира, скапливались узкие длинные облака, которые тоже краснели, наливались багрянцем изнутри, словно комариные тельца. Возникла тревога – неосознанная, такая чужая в царстве безумной свободы и безграничного счастья...

Эта тревога исходила извне – он понял. Кому-то очень близкому, родному, любящему его он делал больно, да еще как больно! До сих пор слышался только шум реки и еле уловимый свист рассекаемого воздуха. Теперь же издалека слышался голос. Ярослав прислушался. Голос был тонким и жалобным, как писк новорожденного животного. Но, несомненно, он звал Ярослава. Звал обратно домой, в мир, из которого он ушел так внезапно, неразумно и, как законченный эгоист, ни на секунду не задумавшись о людях, которым станет больно в том случае, если его не будет среди них.

Вдруг слабый голос усилился во много раз и небо, почти всё ставшее красным, расколосось посередине. В нем образовалась пропасть, почти такая же по форме, как внизу, но не имеющая не только конца и начала. В ней не было и глубины. Бездонная щель, словно отвратительный рот великана, готовилась поглотить и его, и каменные джунгли, и горную реку. Но именно оттуда Ярослав слышал крик. По крайней мере, ему казалось так.

– Ярослав! Яр! Родной мой, хороший! Я не знаю, где ты и что с тобой, но поверь, поверь, пожалуйста, что со мной тебе будет лучше! Я сделаю для этого всё-всё, только возвращайся!

Это был, конечно, голос Наташи. Она звала, умоляла, надеялась. Ей удалось невозможное – пробить химическую броню мечталитина.

Пробить, но не уничтожить. Не победить.

– Яр! Умоляю, вернись! Попробуй, миленький, пожалуйста!

Ярослав поднимался выше, безобразный рот засасывал его, а голос Наташи становился громче, слова слышались более отчетливо. Становилось жарко, словно с космической быстротой приближалось к нему невидимое солнце. Внизу же текла река, прохладу которой он ощущал физически даже на большом расстоянии. Его влекло туда.

В его мечту вторглись – пусть с любовью, но в то время, когда он этого не хотел.

– Яр! Еще немножко, ну! Я чувствую, что ты уже рядом!

Он тоже чувствовал, что Наташа рядом. Он мог протянуть ей руку и ощутил бы тепло мягкой, почти детской ладони. Но внизу была чистая студеная вода и – бездна. Он ведь всегда хотел упасть в нее. Он страшился явлений, предшествующих смерти, но самой смерти не боялся никогда. В ней было что-то загадочное и притягательное. Ярослав был атеистом, но не мог даже подумать о том, что весь человек превращается только в то, что осталось от его дедушки после эксгумации спустя сорок лет. Что-то же еще должно оставаться! Что-то должно быть за последней чертой, обязательно! Он верил. И чем крепче была эта вера, тем сильнее становилось нелепое любопытство – ну что же там? Иногда жажда последнего открытия становилась нестерпимой. Сейчас, находясь между жизнью и смертью, он понял истинную причину своей тоски.

– Ждать еще столько лет... Страдать, мучить себя и других. И тебя... Прости, Наташа, – прошептал Ярослав.

Он ринулся в бездну и в считанные секунды достиг воды. Ледяная влага обожгла его, но лишь на секунду, а затем стало тепло. По инерции опускаясь всё глубже, он врезался головой в каменистый выступ на дне. На мгновение воцарилась темнота, но сейчас же яркий свет брызнул в лицо, и светлый туннель открылся впереди.

Он увидел то, что находится за чертой.

Александр Иванович, знакомый нам врач скорой помощи, явился домой ночью. Он был один в квартире, и давно не посещавшее его чувство печали с силой давило на душу в широкой груди. За пятнадцать лет работы он привык видеть умирающих людей, и лишь тогда, когда вызов был к ребенку, особенно если спасти его не представлялось возможным, сердце Александра Ивановича на время погружалось в какую-то жуткую пустоту.

Но сегодняшний случай он запомнит надолго. В глазах у него поминутно мелькали, сменяясь по кругу, адовы картины. Вот слышится истошный женский вопль. Вот он и еще несколько врачей и сестер вбегают в четырнадцатую палату. Трое пытаются успокоить бедную девушку, которая бьется в истерике, прижимаясь к стене. Остальные смотрят на больного и быстро понимают, что он уже мертв. И сами приходят в ужас – есть от чего!

На подушке вокруг головы расплзлось огромное алое пятно. Врача невозможно обмануть бутафорской краской из дешевых боевиков, он никогда не спутает кровь ни с чем другим. Когда осмотрели голову, увидели, что никаких повреждений нет. Несчастной возлюбленной бедняги в этом смысле повезло, потому что если бы обнаружилась рана, девушка стала бы подозреваемой в убийстве. Ведь кроме нее в палате никого не было. Не считая, конечно, самого парня. Прямо мистика какая-то! В больнице сразу поняли, как только больного привезли, что здесь что-то не так, случай необыкновенный.

Александр Иванович посидел на кухне, покурил, глядя на полную луну, которая, казалось, висела на уровне его шестого этажа. Такие ночи опасны для стариков, психопатов и выдумщиков. Но врач не был ни тем, ни другим, ни третьим, и в полнолуние хорошо себя чувствовал, подолгу сидел у окна, когда не было смены и не очень хотелось спать.

– Такая ночь! Лежал бы сейчас со своей девкой, жизнью упивался, – произнес Александр Иванович, имея в виду Ярослава, разговаривая сам с собой. – Себя погубил и ей молодость испортил. Чего им не живется? Каждого такого определить бы на месяц на работу в больницу.

Посмотрели бы, как другие за жизнь цепляются. У них все вырежут изнутри – хоть на чучело отдавай, а они всё равно жить хотят.

Он выпустил в форточку плотную струю дыма, помолчал.

– А вот, однако же, некоторым не живется. Не всем, наверное, дано.

Вдруг он что-то нащупал в кармане брюк, почти машинально. Пакетик с остатками порошка – остальное взяли на анализ. Вспомнилась та старушка. А ведь капли из-за дивана ей так никто и не достал. Мается, поди, и сейчас. Кретин! Тоже мне, врач, не поинтересовался, не помог! – подумал о себе Александр Иванович. Ничего, телефон известен, завтра он обязательно позвонит, а потом заскочит на минутку.

Пакет был неплотно сколот канцелярской скрепкой, и немного порошка высыпалось. Врач брезгливо смахнул его с табурета, на котором сидел. Но все же поднес руку к носу, принюхался. Ничем не пахло.

– А кому дано-то – кто знает? – опять заговорил Александр Иванович. – Мишка вон мой, санитар, только спит, жрет и трахает медсестер, постарше и пострашнее, потому что другие ему не дают. Фролову, студенту, вовсе всё до лампочки, даже бабы. Почему же им живется, а вот этому химику не жилось? За что им дано, а ему нет? Горе от ума, что ли? Нет, слишком просто. Тут что-то еще. Может быть, действительно, лежит на иных печать проклятия? Вот она, эта печать, в явном виде. Порошок. Его нужно вдыхать, наверное...

Внезапно Александр Иванович почувствовал, что ему до потемнения в глазах захотелось поднести пакет с порошком к лицу и вдохнуть эту пыль. Минуту или две он смотрел на нее, как замороженный. Затем решительно встал, и с перекошенным от напряжения лицом высыпал содержимое в кухонный мусоропровод.

Он долго сидел почти неподвижно, глядя в одну точку. Луна проплывала мимо, наполовину скрывшись за вуалью случайно забредшей в его края дырявой тучи.

– Что лучше – жить в тоске или умереть в блаженстве? – произнес, не меняя интонации, Александр Иванович.

Нет, это не было мучительным раздумьем, и вообще, фраза мало подходила к истории с Ярославом. Просто врач задал себе такой вопрос.

апрель 1999

Зло

– Вы думаете, что было самоубийство?

– Вне всяких сомнений. Возможно, вам будет интересно это почитать. Вам ведь нравится, когда я посвящаю вас в мои дела. Разумеется, когда они уже закрыты. Правда, на этот раз, мой старый добрый друг, я должен вас разочаровать. Никакой загадки, никакой интриги. Обычный сумасшедший, каких сейчас в Германии и, должно быть, не только в ней одной, увы, предостаточно. Если бы за выходку каждого психа мне давали бочонок пива, я давно уже не смог бы надеть свои брюки.

Двое пожилых мужчин сидели у полуподвального окна в маленькой немецкой пивной. Тот, который был немного старше, с бородкой, одетый в серый старомодный костюм, протянул собеседнику дискету. Второй мужчина осторожно взял ее двумя пальцами, покрутил перед носом, словно удивительную ценную безделушку, и с улыбкой вернул первому.

– Нас, стариков, трудно заставить отказаться от обычной бумаги. У меня и компьютера-то нет, а сын, как вы знаете, живет в Ганновере. Но все же, скажите, было ли в этом деле хоть что-нибудь любопытное?

Первый, с бородкой, выпустил пахнущий медом плотный дым из изящной трубки.

– Да ничего, пожалуй, кроме того, что сей молодой человек убил фрау Штейнберг и ее сына. Если бы не дневник, найденный в его карманном компьютере в доме его девушки по имени Ромми, мы до сих пор терялись бы в догадках.

Его собеседник потянул из кружки золотистое пиво и слегка пожал плечами.

– Ну, об этом я знаю из газет. Вообще же вы в курсе того, что сумасшедшие – не мой профиль. Это уже что-то из потустороннего мира. А я занимаюсь ушибленными коленями.

– Тем не менее, готов поспорить на хороший ужин, что вам интересно.

– Конечно. Что послужило мотивом? Кто, кстати, была фрау Штейнберг? Мы прожили на одной улице полвека, но я о ней почти ничего не знаю. Ее дом пользовался весьма странной репутацией, да и о ней ходили всякие слухи. Вздорные, разумеется.

Мужчина с бородкой – следователь – победно сверкнул глазами.

– Ага, мой добрый друг, вы попались! Вам все же придется раздобыть компьютер.

Потому что больше я вам ничего не скажу. Все, что вы хотите узнать о молодом человеке и этой тетушке, находится здесь, – он с не совсем понятной гордостью протянул приятелю-доктору всё ту же дискету. Видя его растерянность, следователь наклонился к уху собеседника и сказал:

– Я позволю вам воспользоваться моим компьютером. Научиться с ним работать совсем нетрудно. Ведь правда же интересно узнать, почему выпускник преуспевающего колледжа убивает ни в чем не повинную старую женщину, пожилого мужчину и накладывает на себя руки? Ведь что-то же здесь не так, а?

... Меня зовут Франсуа Верлен. Взяться за перо, вернее, за клавиатуру, меня побудили обстоятельства, которые сыграли роковую роль в моей, казалось бы, безоблачной судьбе. Впрочем, не только в моей. Мне следовало бы бросить мое послание во всемирную паутину, чтобы все узнали о том, что со мной произошло. Но я не уверен, что успею, а главное, захочу это сделать. Ибо тогда люди решили бы, что я просто хочу прославиться, а это не так. Не такой ценой! Поэтому пусть написанное мною останется в этом маленьком компьютере. Может быть, дневник прочтает следователь по моему делу. Надеюсь, что так же еще кто-нибудь заинтересуется произошедшим. Честно говоря, мне все равно. Единственное, что могу я обещать моему предполагаемому читателю – Франсуа будет правдив и краток. Мною движут не эмоции, а здравый

рассудок. Да, да, я нахожусь в полном психическом здравии! Когда, по мере знакомства с этой историей, у вас возникнут сомнения на сей счет, перечитайте, пожалуйста, первую главу.

Итак, немного о себе. Мне двадцать шесть лет. Чуть больше года назад я окончил Сорбонну, нашел сносную работу, получил свой первый отпуск и отправился в Германию, к моей подружке Ромми. Мы познакомились во время учебы во Франции, и с тех пор я ни разу не был у нее дома. Но теперь ее старики-банкиры на месяц умотали куда-то за океан, и она пригласила меня. Не скрою, я волновался. Несомненно, она известила предков о том, что намерена провести время с молодым человеком, а это, согласитесь, кое к чему меня обязывало. Однако, в любом случае, я был совсем не против на ней жениться. Я люблю Ромми, даже несмотря на то, что она оказалась не совсем такой, какой я знал её раньше. Тоска по Ромми – единственное, что делает мое окончательное решение столь горьким. Я скучал по ней на родине и готов быть с нею бесконечно. Но это так, отступление от основной темы.

Ромми живет в Гамбурге. Прежде чем отправиться к ней, я прилетел в Берлин и немного побыл один, сам по себе, скитаясь по разным городам страны, как на востоке, так и на западе. Я никогда не был в Германии раньше, и она мне понравилась. Правда, я помню, что моя бабушка никак не могла простить немцам унижение Франции в минувшей войне, всегда упрямо и брезгливо сжимала губы, едва услышав о нашем могучем соседе. Она воевала в движении сопротивления и всегда подчеркивала, что Франция тоже является полноправным победителем.

В Гамбург я приехал поездом после обеда из последнего моего холостяцкого пристанища и сразу на такси добрался до дома родителей Ромми. Или, проще, – до ее дома. Я намекнул ей в недавнем телефонном звонке, что в ближайшее время собираюсь заявиться, но когда точно – не уточнил. Во-первых, не хотел сковывать себя узами обещания, во-вторых, жаждал преподнести моей любимой сюрприз. И вот я здесь! Встречай, дорогая, свой сюрприз – самый лучший на свете! Или ты скажешь, что бывают лучше? И кто же этот счастливец и негодяй в одном лице, позволь полюбопытствовать?

Верите ли, она обрадовалась необычайно! Когда с первыми объятиями и поцелуями у входной двери было покончено, замелькали скатерти, зачадили свечи, умные кухонные машины принялись одновременно что-то печь, жарить и перемешивать. Мне не терпелось скорее отправиться с нею этажом выше, где полагалось быть спальне, но не тут-то было. Может быть, Ромми хотела показать мне, какая она хорошая хозяйка. А вернее всего, она на самом деле прекрасная женщина и просто не могла оставить меня без праздничного ужина. Так или иначе, он состоялся – со множеством отличных вин и закусок, со звоном бокалов, с ее счастливым смехом и моим смущенным покашливанием. После ужина мы, конечно же, немедленно занялись любовью, и это было восхитительно. Никогда у меня не было такого вечера – ради него одного стоило жить все эти годы. И никогда больше такого вечера у меня уже не будет.

Мы накинули халаты, вышли на балкон и, нежно обнявшись, глубоко вдыхали чуть влажноватый воздух, освежаемый ветрами с Северного моря. По пути к Ромми я думал только о ней и глазел по сторонам совершенно бестолково, сейчас же с любопытством осматривал улицу, на которой мне предстояло прожить... ну, по крайней мере, три недели. Обыкновенная улица с симпатичными одно-трехэтажными домами, в которых жили простые работающие люди с разным достатком. Дом Ромми немного выделялся среди других, был побольше и выглядел побогаче, но в глаза это не бросалось. Прямо перед нами, на другой стороне улицы, хорошо можно было рассмотреть три дома. Я спросил у Ромми, кто те люди, которые в них живут – она ведь наверняка знала, а пауза в нашем общении немного затянулась.

– Вот в том светлом, за деревьями, справа – видишь? Там живет учитель с женой и младшей дочерью. Напротив дом владельца кафе, в которое мы обязательно ходим, завтра же.

– Я тебя туда приглашу. Можно?

– Нужно, – улыбнулась Ромми. – А вон там слева – видишь? Где еще не включали свет. В этом доме живет фрау Штейнберг.

Мне показалось, что сказала она об этом как-то особенно. Даже, по-моему, почти перешла на шепот.

– Она что, колдунья? Говорят, в Германии много колдунов.

– Не знаю, – слегка растерялась Ромми, – с колдунами я не знакома. Но про ее дом рассказывают всякое. Те, кто помнят войну, рассказывают, что английская авиация во время одного из налетов сравняла нашу улицу с землей. Бомбы падали куда придется и не пощадил даже церковь. И только дом фрау Штейнберг остался целехоньким – только стекла выбило. А если в ее маленький садик забредает кошка или собака, или залетит птица, то скоро они заболевают и умирают, и никто не в силах им помочь. И в церковь она никогда не заходит.

– Это серьезно, – улыбнулся я в темноте, – а летать на метле эта ваша фрау Штейнберг умеет?

– Не смейся над тем, чего не понимаешь, – вдруг рассердилась Ромми. – Ты ведь не видел старуху. Она никогда ни с кем не разговаривает, даже не здоровается. Только сухо кивает, не открывая рта, а ее взгляд холоден, как блеск льдинок. Все немного боятся ее. И я тоже...

– Не бойся, моя маленькая, – обнял я Ромми за плечи, – я поселюсь в твоём доме, и никто тебя не посмеет обидеть.

Мы пошли спать, и на этом первый день закончился. Лучший день, который еще не сулил ничего дурного.

На следующий день, хорошо выспавшись, мы с Ромми отправились гулять по городу. Где мы только не были! Завтракали в кафе на нашей улице, обедали в круглом ресторане на телебашне, купались в Эльбе, сходили на выставку картин какого-то современного идиота-абстракциониста, тоннами ели мороженное, целовались на улицах, пили пиво и вино и к ужину едва стояли на ногах. На нашей улице Ромми вдруг замедлила шаг и слегка сжала мое запястье. Я смотрел в другую сторону и не сразу понял, что послужило причиной беспокойства моей любимой.

– Смотри! Эта она, – шепнула Ромми.

По другой стороне улицы к своему скромному домику степенно шла обыкновенная пожилая женщина, несмотря на летний день довольно тепло одетая, в дикой шляпке времен черных угловатых лимузинов, с хозяйственной сумкой, – неизменным атрибутом бабушек всего мира. Наверное, я смотрел на нее всего секунды три, затем отвернулся бы и сейчас же забыл о ней, но фрау Штейнберг внезапно остановилась и поглядела в нашу сторону.

Нас разделяла улица, то есть между нами было не менее десяти метров. Но мне показалось, что глаза старухи приблизились к моим почти вплотную, и я видел их отчетливо. Прожив на Земле четверть века, я готов поклясться на библии, что никогда еще не видел такого взгляда. Его мало назвать просто холодным или недобрый. Нет, он был совершенно особенным. Я бы сказал – нечеловеческим. Так, наверное, смотрит хищная птица, выискивая добычу. Так смотрит палач по призыванию на свою жертву. Так, может быть, смотрит сам Сатана.

Но в то же время я уловил в ее взгляде страх – жуткий, глубокий. Узнала ли она во мне тогда свою погибель? Или так она смотрела на всех? Не знаю. Несомненно одно – меня она возненавидела сразу и бесповоротно. Именно в те мгновения закрутился адский маховик чудовищного поединка. Или я, или она. Мы вместе не могли существовать на одной улице, под одним небом даже временно. Тогда, конечно, подобные мысли не могли прийти мне в голову. Мы просто перестали смотреть друг на друга и пошли дальше по свои делам. И Ромми, и я долго молчали – кажется, фрау Штейнберг крепко подпортила нам настроение, сведя на нет всю прелесть сказочного прожитого дня. Мне нужно было как-то подбодрить Ромми, обратить всё в нелепую шутку, но вместо этого я стал задавать вопросы о старухе. Она, честно говоря, произвела на меня впечатление, и у меня больше не было повода смеяться над ней.

– Кто она, ты знаешь? Дети у неё есть? Кто-нибудь ее навещает?

Мое любопытство рассердило Ромми – даже сильнее, чем следовало бы ожидать.

– Почему она тебя так волнует? Может быть, тебе самому хочется навестить ее? Не желаю о ней говорить.

– Мне важно знать о ней всё.

Черт знает, почему я сказал так. Должно быть, смутно я давно догадывался о своем предназначении. Ромми, естественно, очень удивилась – даже её гнев прошел.

– Как, однако, она тебя зацепила! Ну ладно. На самом деле, ничего интересного кроме того, что я рассказала тебе вчера, нет. Всю жизнь она работала проводником на железной дороге, сейчас на пенсии. У нее есть сын, маленький тщедушный человечек лет пятидесяти. Он живет где-то на юге и иногда приезжает к ней на два-три дня, всегда один. Это всё, что я знаю. А теперь мне всё же очень хотелось бы эту тему закрыть. Если, конечно, ты всё ещё любишь меня.

– Я безумно тебя люблю, – сказал я и поцеловал Ромми, но продолжал думать о фрау Штейнберг. Причем все мои мысли были какие-то рваные, бестолковые и не ведущие ни к чему. После ужина я сразу завалился спать, даже не дотронувшись до Ромми. Ну, здесь-то всё было понятно – множество впечатлений, усталость. Внезапно навалившийся сон куда лучше затяжной бессонницы.

Но что-то было не так. Проваливаясь в небытие, я еще раз вспомнил ледяной взгляд серых глаз фрау Штейнберг, и меня обдало сначала холодной, затем горячей волной с ног до головы.

Впервые подумал я о том, что она непременно должна умереть. Эта зверская мысль, как ни странно, совершенно успокоила меня – кажется, я даже улыбнулся. Я еще не знал о том, кто должен был стать её убийцей.

Проснулся я от внезапного внутреннего толчка в три часа ночи. Голова была совершенно свежей, мысли ясные, будто я безмятежно проспал до позднего утра. Помню, меня поразила странная тишина вокруг. Не было слышно даже дыхания Ромми, которая всегда по-детски чмокала и сопела во сне. Я забеспокоился и наклонился к ее лицу – нет, слава богу, всё было в порядке. Она дышала, только очень-очень тихо. Мертвая тишина стояла во всем доме, ни звука не доносилось с улицы. Я взял сигарету и вышел на балкон. Зрелище, которое сразу приковало мое внимание, я бы не забыл никогда, даже если бы мне суждено было прожить еще сотню лет.

Дом фрау Штейнберг светился изнутри багрово-красным светом, словно был сделан из стекла. Он был похож на гигантских размеров раскаленный уголь, который мерцал и переливался – окна и стены потеряли различия. Было видно, что внутри кто-то исполнял зловещий танец, размахивая руками. Могло показаться, что в горящем здании метался человек, объятый пламенем. Но я не побежал звонить пожарным. Это был не пожар. Я знал, что на самом деле происходило – фрау Штейнберг колдовала. Быть может, она пыталась отодвинуть свой конец и направляла свое зло на меня.

Вдруг из каминной трубы вырвался сноп искр, а затем оттуда стали вылетать предметы, подтверждающие ее сатанинскую сущность. Весь двор вокруг дома в считанные секунды покрылся оторванными куриными лапками, отрезанными кошачьими головами, клочьями шерсти и мяса. Ужас железной хваткой сковал меня, я не мог сдвинуться с места. Я увидел фрау Штейнберг. Она открыла окно и смотрела прямо на меня! Была она в одной ночной сорочке, растрепанная, а ее глаза светились голубым пламенем, будто газовые горелки. Все её тело сотрясала дрожь, в полной тишине она дергалась в экстазе словно в такт ритмичной музыке. И потом я услышал ее голос.

Наверное, она не кричала, потому что никто из соседей не слышал никакого шума. Это были слова, обращенные только ко мне по телепатическому каналу – кажется, это так называется. Впрочем, это не важно. Гораздо важнее то, о чем она сказала – или только подумала.

– Ты приехал сюда, чтобы убить меня? Ха-ха! У тебя ничего не выйдет! Ты умрешь раньше, чем я!

Затем фрау Штейнберг пропала, и проем окна стал пустым. И дом быстро начал остывать. Лишь в отдельных местах еще было заметно рубиновое свечение, но вскоре обычный ночной дом ничем не отличался от почти таких же других, стоявших рядом. Из окна вылетела черная сова, исчезла в ночи, и окно само собой захлопнулось. Пропали также куриные лапки, кошачьи головы, клочки шерсти. Обычная ночь на улице европейского города. Уже светало.

Странная слабость внезапно навалилась на меня, но я еще контролировал себя. Но тут случилось то, что окончательно расставило точки над *i*. Я увидел на перилах балкона костлявые руки фрау Штейнберг. Руки смерти. Она легко подтянулась, как хороший гимнаст, и её лицо оказалось совсем рядом с моим. Её глаза уже не светились, а были черны, как два дупла

– Ты всё равно умрешь. А зло на земле будет жить вечно, даже если со мной что-нибудь случится. Но у нас будет честный поединок.

Старуха шепнула мне это на ухо, скрипуче засмеялась, обнажив гнилые десна, и упала вниз. Она была абсолютно не похожа на ту фрау Штейнберг, которую я видел вчера вечером. Наверное, сейчас предо мною предстала её первая, главная сущность.

Я почувствовал, что теряю сознание и стал медленно сползать на пол. Ромми нашла меня утром на балконе, голым, почти без признаков жизни.

У вас когда-нибудь поднималась температура настолько, что столбик термометра беспомощно упирался в последнюю отметку и был готов закипеть? Тогда вы не знаете, что такое болеть на самом деле. Три дня я валялся в постели, плохо соображая, что со мною и где я нахожусь. Я видел расплывающееся в тумане озабоченное лицо Ромми, физиономии еще каких-то людей. Один из них, как я потом узнал, был врачом. Он сказал, что у меня сильнейшая форма гриппа, что моя жизнь висит на волоске, но скорее всего, я поправлюсь, потому что молод и крепок. Кажется, мне сделали несколько уколов. К нашему с Ромми дому перестали приезжать работники коммунальных служб и почтальоны, потому что боялись подцепить заразу. Ромми спала внизу в холле, навещая меня раз по пять за ночь. Несколько раз мне чудилось, что будто бы фрау Штейнберг заходила в комнату, опрятная, угодная господе старушка и, жалостливо склонив голову на бок, осведомлялась о моем здоровье. Я с трудом разлеплял непослушные губы, но не мог произнести ни слова. Тогда она говорила, касаясь моего лба холодной рукой, словно лягушечьей лапой:

– Как тебе, дорогой, – умирать в двадцать шесть лет, а? Между прочим, скажу я тебе по секрету, жить хочется и в восемьдесят. Особенно если учесть, как много я для всех вас значу. Без меня вам было бы скучно, не правда ли? Какие новости вы любите больше всего, о чем чаще всего говорите? Ну, поспи, не буду тебя волновать. Всё равно ты – не жилец.

Я отвечал ей что-то по-французски и ватной рукой крестился, что её безумно забавляло. Фрау Штейнберг просто вся тряслась от хохота.

Она заходила в комнату раза три-четыре за сутки, днем и ночью, всякий раз после превращалась в гадкого городского голубя и вылетала в окно.

Конечно, ее появление в доме Ромми было бредом, галлюцинацией. Но разве это что-то меняет?

На четвертый день мне стало лучше и я, покачиваясь и морщась, как после сильнейшей пьянки, спустился вниз. Ромми не было – должно быть, она пошла в магазин. Какого же было мое удивление, когда я увидел через стеклянную дверь толстого неопрятного бомжа, клошара с длинными свалывшимися волосами, в широких облитых мочой штанах. Он, кажется, поджидал меня и жестами требовал пустить его в дом.

Я понял, что неспроста это человек рвется поговорить со мной, и открыл дверь.

Исполненный достоинства, он пригласил меня присесть рядом с ним на кожаный диван, как будто был хозяином дома, и произнес – трезво и рассудительно:

– Фрау Штейнберг должна умереть завтра, иначе будет поздно. Больше она не даст тебе шанса. Думаешь, случайно судьба свела тебя с Ромми и привела сюда? Ты должен сделать

это. Ты мессия. Она олицетворение зла на Земле. Из-за нее происходили и будут происходить войны, революции, эпидемии и катастрофы. Ромми тебе поможет, она – наша.

Сказав это, человек дна спокойно удалился, оставив меня одного.

Я сам знал, что время пришло. Он только напомнил мне о том, что нельзя медлить.

Ночью мы с Ромми в последний раз любили друг друга, несмотря на мою еще не совсем вылеченную болезнь. Я ничего не сказал ей об утреннем прищельце. Зачем? Для нее наверняка это не было бы неожиданной новостью.

Когда она уснула, я вышел на балкон, как всегда. Ни стены, ни окна дома фрау Штейнберг не светились. Обычный дом – не богатый и не слишком бедный. Я подумал тогда, что может быть, не стоит никого убивать. Может быть, кто-то ошибся, и она самая обыкновенная бабушка, немного странная, но совсем не злая? Кто вправе выносить смертный приговор живому существу, даже если он посланник дьявола?

Но слишком много было поставлено на кон.

Жизнь и благополучие миллионов людей на Земле – это серьезно. Я должен был выдержать этот экзамен. Мой последний.

Эта по её велению сжигали сотни тысяч мужчин, женщин и детей в печах Освенцима. Это повинуюсь ее воле бомбы превращали в пепел Дрезден и Хиросиму. Это она направляла маленькой сухой ручкой ракеты на Белград. Это она приказывает насиловать мальчиков и девочек в самых гнусных притонах Амстердама и Гонконга. Я всегда знал, что во всем виновата она.

Потому что должен же быть кто-то виноват в этом? Кто-то ведь управляет всеми теми безобразиями, которые тысячи лет творились на Земле, а в последние века раздуваются до размеров ада? Когда-то это необходимо остановить.

Меня переполняла гордость от того, что завтра именно я это сделаю. Каким образом я оборву жизнь фрау Штейнберг? Зарубить её, что ли, топором, как у Достоевского? Но вряд ли у Ромми найдется топор, и вообще – такой способ убийства отдает варварством. Я не сомневался, что лучше всего подойдет огнестрельное оружие. Одна пуля в сердце, другая в лоб – и все дела. Где же взять пистолет? Ах, напрасно я волнуюсь. Тот противный обмоченный толстяк сказал, что Ромми мне поможет. А сейчас нужно выспаться перед решающим сражением с мировым злом.

Я уже ни на секунду не сомневался в моем предназначении.

Утром Ромми накормила меня моим любимым завтраком – пончиками со сливками, и сразу дала понять, что всё понимает. Она достала чистую белую рубашку, заставила меня ее надеть и побриться. Затем Ромми вынула из тумбочки новенький серебристый пистолет с глушителем и протянула его мне.

– Иди же. И ничего не бойся.

Лишь одно смущало и разочаровывало меня.

– Так значит, ты познакомилась со мной только затем, чтобы я стал убийцей фрау Штейнберг? И только? А как же наши прогулки по Парижу и Лиону? Что ты скажешь о ночах, которые мы провели вместе в твоём доме? Разве наша любовь ничего не значит?

– Я давно полюбила тебя, – сказала Ромми и нежно, как мать, заключила меня в объятия. – Но так решила не я, поверь мне! Есть нечто, что намного сильнее нас. То, что мы должны совершить в жизни – у нас в крови. Мы ничего не можем изменить. Ученые называют это генами. Но это не гены, это – от Бога.

– Ты действительно веришь в то, что мировое зло заключается в этой старухе? Может быть, не все так просто?

– В старухе и в ее сыне. Он приезжает сегодня и будет здесь через десять минут. Ты должен разделаться с ними обоими.

– И что будет дальше?

– Я не знаю. Но если ты не сделаешь то, что должен сделать, всем точно будет плохо, очень плохо. Может быть, речь идет о спасении человечества.

– Спасти человечество... Что ж, это неплохая работа. Ну, я пошёл? Ты благословляешь меня?

– Да, – твердо сказала Ромми. – Надеюсь, что ты всё сделаешь быстро и точно. Желаю удачи, любимый...

Я положил пистолет во внутренний карман куртки, не оборачиваясь, вышел на улицу и напрямик направился к дому фрау Штейнберг. Почему-то я был уверен, что у меня сейчас же всё получится как нельзя лучше.

Я позвонил в звонок, нащупал шершавую сталь рукоятки оружия и стал ждать.

– Кто там? – послышался голос фрау Штейнберг.

– Почтальон, – спокойно ответил я.

– Бросьте письмо в почтовый ящик, – проскрипела старуха.

– Велено передать его вам в руки, лично.

Послышалось лязганье отворяемых замков и засовов, и я прошел в дом, не глядя на фрау Штейнберг и довольно грубо толкнув ее плечом.

– Ты все же пришел, – без тени страха произнесла фрау Штейнберг, узнав меня. – Дурак.

Я быстро закрыл дверь, вырвал из кармана пистолет и выстрелил ей в сердце. В коридоре было довольно темно, и дальше я стрелял почти наугад в бесформенную корчившуюся на полу массу. Не сразу я почувствовал, что в доме появился еще кто-то. Он вбежал с улицы и набросился на меня, но пуля тут же пробилась его горло. Последним выстрелом – на всякий случай – я завершил приведение приговора в исполнение. Старуха и ее сын лежали вповалку друг на друге в луже крови. А на мою белоснежную рубашку не попало ни капли.

Я убил двух человек. И победил зло всего мира.

Больше на Земле мне нечего было делать.

Я тщательно протер пистолет носовым платком, выбросил его в корзину для мусора и пошел назад, к Ромми. Она ждала меня у калитки, бледная, с трясущимися губами, и плакала.

– Я сделал это.

Она прижалась ко мне, как испуганный ребенок. Мы не радовались – ни она, ни я. Просто наступило какое-то облегчение. Впрочем, очень ненадолго.

– Ты сейчас же должен уехать. Когда придет полиция, я скажу, что не знаю, где ты. Или уедем вместе!

– Ты оставайся здесь. А я уеду в Париж рано утром. Сегодня и ночью их никто не хватится. Выстрелов не было слышно. Снаружи крови нет. Ты вся дрожишь, милая. Тебе нужно принять успокоительное.

Я кое-как успокоил Ромми, напоил ее сильнодействующим снотворным и уложил на диван, а сам поднялся наверх и сел за компьютер. Часа два без перерыва я писал то, что вы сейчас читаете. Вот, собственно, и всё.

Сейчас я немного посплю, встану, оденусь, поцелую мою Ромми, малышку, и часов в шесть утра отправлюсь на вокзал. Но до Парижа я не доеду. Я еще не знаю точно, каким способом собираюсь уйти из жизни. Конечно, проще всего было бы воспользоваться пистолетом, но сразу я не подумал об этом, а теперь никакая сила не заставит меня вернуться в дом фрау Штейнберг. Может быть, я выброшусь из поезда. Или прыгну под грузовик. Неплохо было бы камнем упасть с моста. Всё это уже не имеет значения.

Что ж поделаешь, если судьба распорядилась таким образом?

Мне остается лишь надеяться, что моя жертва не была напрасной, и зло на самом деле побеждено. Но даже если так, поймите – я сам совершил зло и не имею право жить. Я не мог поступить иначе, но не могу и закончить эту историю по-другому. Всё должно иметь начало, продолжение и конец. Логика действия говорит о том, что дни мои сочтены.

Вот что следовало бы сделать – не упоминать в моих записях имя Ромми. Но я не могу так поступить, потому что она является важной частью того, что произошло, и не упомянуть её – значит солгать. Надеюсь, что Ромми выкрутится.

Прощай, малышка. Я рад, что узнал тебя.

Прощайте все, кого я любил, и те, кто любил меня.

Прощайте все те, кому было на меня наплевать.

А врагов у меня не было – и уже не будет.

май – июнь 1999

Магнит

Случаются в жизни явления, иногда необъяснимые с точки зрения обычного разума, и лишь по истечении времени, если повезет, мы иногда обретаем прозрение и способность дать им сколько-нибудь рациональное объяснение. По моему мнению, необъяснимых явлений не бывает. Всё можно объяснить, пусть ошибочно, но, по крайней мере, достаточно для себя самого, нужно лишь иметь желание и терпение сделать это. В Москве, в одном из самых больших городов мира, загадочные явления происходят не менее часто, чем в других мировых столицах, а может быть, и еще чаще, благодаря нашему в некотором роде уникальному менталитету, который мы и сами себе объяснить не можем.

Совсем необязательно это должны быть летающие тарелки, неизвестные компьютерные вирусы или внезапные проблески разума у власть предержащих. Нет, речь идет о другом. С обычными людьми тоже происходят весьма странные события.

Уж куда, так сказать, обычнее был некто Олег Палыч Сысоев? Российский джентльмен около пятидесяти лет, вальяжный, среднего роста, с интеллигентным, немного вытянутым лицом. Умный, начитанный, некурящий, в меру пьющий, женатый. Несмотря на то, что работал Олег Палыч в старейшем, но давно не имеющем прибыли Научно – Исследовательском Институте, естественно, секретном, жил он не то чтобы обеспечено, но приемлемо. Всегда, хотя и должность его была невысокая, можно было занять у него полтинник до получки, всегда он был приветлив, подтянут, розовощек. И вообще он выглядел как-то по-европейски, словно только что прибыл для обмена опытом из американского или французского оборонного ведомства. Непонятно, как ему удавалось поддерживать в столь непростое время достойную жизнь, но, тем не менее, это получалось, и не только не раздражало менее удачливых сослуживцев, но даже вызывало к нему если не расположение, то уважение – точно.

С чего всё началось? Как это часто бывает, с ничего не значащего события. Просто Олег Палыч однажды утром сел в автобус, чтобы доехать четыре остановки до своего института. Дело было зимой, в солнечный, безветренный морозный день, и настроение у научного сотрудника «ящика» соответствовало погоде.

Он стоял, взявшись рукой за поручень, и смотрел в замутненное инеем окно, думал о чем-то. Вдруг Олег Палыч резко повернулся, нетвердыми шагами, словно был пьян или болен, прошел к выходу и покинул автобус на третьей остановке, не доехав до института. Никогда за двадцать пять лет работы в институте он не выходил здесь. Он, способный, благодаря развитию мышления, объяснить всё на свете, не мог бы сказать даже приблизительно, что побудило его поступить подобным образом. Ведь он почти никогда не опаздывал в институт, даже когда зарплату перестали платить совершенно и на дисциплину стали смотреть сквозь пальцы.

Олег Палыч вышел, осмотрелся, сощурившись от яркого света. Ничего необычного в том месте, где он сошел, не было. Остановка автобуса находилась на пустынном пяточке, удаленном от учреждений и предприятий. Перед ним тянулась длинная, широкая аллея, утыканная в два ряда черными безжизненными деревьями. Между ними пролегал заледеневшая тропинка, вдоль которой покосившиеся скамейки напрасно призывали зевак посидеть на них. Час был ранний, температура воздуха не располагала к прогулкам, поэтому никто на скамейках не сидел и не прохаживался по аллее. Олег Палыч стоял посреди тропинки совсем один, озабоченный и немного растерянный. Он не понимал, какого лешего здесь забыл.

Но и уйти он тоже не мог. Непонятная сила не давала ему сдвинуться с места, заставляла его глубоко вдыхать крупными ноздрями красивого, с горбинкой, носа морозный воздух.

– Так. Нужно двигаться, иначе я околую и опоздаю на работу, – сам себе сказал Олег Палыч и сделал шаг к остановке. Вернее, полшага. Не больше.

Он чувствовал одно – что сейчас представляет собой кусок металла, а под его ногами, в земле, подо льдом – лежит огромный магнит. Ноги его стали тяжелыми и непослушными, хотя голова работала ясно.

– Съел я что-нибудь утром не то, что ли? Что происходит? – с тревогой подумал Олег Палыч. – Весьма, хм, любопытное проявление вхождения в старческий маразм.

Он стоял так минут пятнадцать, пока уши и щеки не начали активно просить пощады, напоминая, что январь – отнюдь не май. Олег Палыч, сняв перчатки, сильно потер ладонями скованное морозом лицо и мысленно заругался матом. Вслух он не ругался никогда, за исключением единственного давнишнего случая, когда подонки снимали с него замшевую куртку в темном переулке.

Наконец, в ногах снова появилась легкость, и он чуть не упал от неожиданности. Теперь он мог идти, и сейчас же побежал к автобусу, подошедшему к остановке как по заказу. В то утро он опоздал на полчаса. Никто ему, конечно, ничего не сказал, хотя многие сотрудники посмотрели на него удивленно – не в правилах Олега Палыча приходить не вовремя. Должно быть, что-то случилось. Ведь и с ним, таким вальяжным счастливым с европейской внешностью, что-то же может случиться.

Конечно, Олег Палыч никому не стал рассказывать о том, что задержало его в пути, но воспоминания о нелепом событии не выходили у него из головы. Он пытался найти ему объяснение – и не мог.

На обратном пути он прислушивался к своим ощущениям, когда автобус проезжал это место, но ничего странного в себе не обнаружил, если не считать внезапного головокружения, которое тут же прошло. Его Олег Палыч отнес на счет обычной усталости после работы. В седьмом часу вечера за окном было совершенно темно – аллея не освещалась. Олег Палыч немного успокоился – возраст всё-таки, мало ли что – давление скакнуло, замедлился приток крови к голове. Всякое может случиться. Нужно сделать выводы – больше бывать на свежем воздухе по выходным, делать физические упражнения, к врачу заглянуть. И всё будет о-кей.

Но на следующее утро повторилось то же самое! Правда, погода испортилась. Вместо искрящегося снега его взору предстала унылая серая масса, метель застилала глаза и заставила поднять воротник. Но так же, как в прошлый раз, Олег Палыч стоял, как монумент, на одном месте, не в силах уйти прочь. Продолжался этот тихий кошмар не более пяти минут, затем невидимый магнит отпустил, и Олег Палыч побежал к остановке. Только автобус пришел далеко не сразу, и несчастный научный сотрудник совсем продрог. Он, как всегда в такие минуты, очень пожалел о том, что продал свою старенькую «Волгу». Сидел бы сейчас в тепле и в ус бы не дул.

Автобус всё же приехал, но на половине дороги между остановками тяжело выдохнул и остановился. Пока водитель возился с мотором, сонные пассажиры безразлично главели в окно и друг на друга. Никто не высказывал недовольства, никто нервно не смотрел на часы, как обычно бывает во время непредвиденных задержек. Все ехали в «почтовые ящики», в изобилии выросшие в этом районе тридцать лет назад, давно свыклись с коматозным состоянием российской науки и никуда не спешили.

Олег Палыч опоздал на работу почти на час, и снова ему никто ничего не сказал. Только Елена Львовна, машинистка в летах, молча покачала головой. Должно быть, ей не понравилось, что на ее глазах рушился последний оплот стабильности и порядка в их некогда могучей организации. Когда-то у Олега Палыча был с ней, дородной карельской красавицей, даже некоторый романчик, о котором теперь ни он, ни она почти никогда не вспоминали.

Но сам Олег Палыч встревожился не на шутку. Он привык быть человеком относительно независимым – в суждениях, поступках, в личной жизни. Никаким магнитом не удалось заткнуть его в партию. Не то чтобы он был диссидентом – нет, но еще одну степень ограничения своей свободы принять не хотел. И, кажется, ничуть от этого не пострадал – за границу пус-

кали, квартиру и машину он получил в порядке очереди. Правда, в должности его перестали повышать, но Олег Палыч был не тщеславен, работу свою любил и по данному поводу никогда не переживал. Не всем же быть генеральными конструкторами. Достаточно того, что до генерального дослужился его отец, Павел Николаевич Сысоев, что стоило старику одной Государственной премии, двух инфарктов и места на Ваганьковском кладбище рядом с известной балериной.

Отец был человеком строгим и властным, его уважали и побаивались не только в институте, но даже в министерстве науки. Взгляд его глубоко посаженных глаз гипнотизировал людей, заставлял их подчиняться его воле, плясать под его дудку. Но вот свободу единственного сына он не ограничивал никогда. Олег сам пришел в институт отца после университета, как ученый-прикладник подавал надежды, защитил кандидатскую. И всегда своей свободой, привитой с детства, дорожил, будто ценной материальной вещью, наследством, доставшимся от предков.

Но тут ограничение свободы было налицо! И Олег Палыч, не находя объяснения загадочному явлению, решил бороться с его влиянием.

Утром он проехал на метро лишнюю остановку и сел в другой автобус, чтобы подъехать к институту с другой стороны. Но выйти из автобуса у родной проходной с залепленными снегом, однажды застывшими на полуденном времени часами он не сумел. Та же сила заставила его проехать лишнюю остановку в другом направлении, выйти на проклятом месте и простоять там добрых тридцать минут. Опоздал на работу Олег Павлович на полтора часа, выглядел нездоровым и ушел пораньше. Дома он лег в постель, поставил градусник, напился горячего молока и дурно пахнувших капель. Что-то нужно было делать, но что?

Прикинувшись больным, на следующий день он вообще на работу не поехал. Но перед обедом, не обнаружив дома хлеба (жена уехала в Рязань к родственникам), он всё же вышел из дома, и снова не смог противиться притяжению магнита. Повинуясь адскому зову, он против своей воли, совершенно парализованной, доехал до того самого места, простоял почти час на ветру и действительно заболел – сильно простудился. Неделю Олег Палыч лежал с высокой температурой, из дома не выходил и был в душе рад тому, как сложились обстоятельства. По крайней мере, теперь-то уж появился шанс, что магнит его отпустит навсегда! Не менять же, в самом деле, работу из-за нелепого явления природы!

Но когда Олег Палыч выздоровел и повторил утром привычный путь, он опять вышел на пустынной остановке. Только, к его ликование, уже не стоял на одном месте, а степенно прошелся вдоль аллеи, посидел на скамейке, поковырял палочкой снег. С удовольствием закурил бы, если б не бросил десять лет назад.

На работу он приехал в хорошем расположении духа, шутил, много сделал полезного. Олег Палыч был уверен, что влияние магнита сходит на нет. И его предположение подтвердилось. Больше он не выходил на этой остановке, только когда проезжал мимо, сердце начинало стучать чаще, и всего его охватывало необъяснимое волнение. А однажды ему показалось, что какая-то знакомая фигура в пальто стоит к нему спиной на том самом месте, неподвижно и прямо. До боли защемило в груди и сойти захотелось нестерпимо. Но Олег Палыч отвернулся, взялся за другой поручень и, моргая вдруг ставшими влажными глазами, пересилил себя. Двери закрылись, автобус поехал дальше. Впрочем, и эти симптомы вскоре исчезли. Только думал иногда Олег Палыч, – что же это за фигура почудилась ему на месте магнита? Почему она показалась ему такой знакомой, если не сказать – родной?

Позже, на февральском мужском празднике, Олег Палыч случайно узнал от сослуживца, старейшего в институте, что после смерти Павла Николаевича новое руководство приняло решение установить ему небольшой памятник-бюст на аллее. Но времена наступали тяжелые, денег у фирмы оставалось все меньше, и о строительстве памятника пришлось забыть. И даже первый закладной камень убрали.

С тех пор бывал Олег Палыч на аллее не раз – по субботам. Бродил там, думал, вспоминал отца, но – уже по своей воле.
март 1999

Париж, июль

– *Опять хочу в Париж!*

– *А что, уже был?*

– *Нет, уже хотел!*

(советская народная шутка)

Париж был как Париж. Тот, кто там был, вспомнит его сейчас же, тот, кто не был, вроде меня – представит. Вот такой он, все правильно. Тогда притягивали желтки солнца умытые стекла витрин, дышала, меланхолично отражая небо, змея Сены. По раскаленному асфальту, как по сковородке масло, катились «Ситроены», «Мерседесы», «Хонды» и прочие звери города. Вдалеке вздымалось ввысь восставшее металлическое кружево Эйфеля.

А на узенькой, очень чистой и уютной улице стояла маленькая и миленькая девушка с чуть-чуть припухшим личиком и длинными волосами цвета спелого каштана. Ее хорошенькие губки шевелились, а глазки беспокойно бегали. Человек от природы любопытный и, к тому же, обладающий острым зрением, мог бы с другой стороны улицы, не привлекая внимания девушки, прочитать объявление, вывешенное на солидной деревянной двери, которое и заинтересовало прелестную молодую особу:

«Профессор мадам Бунуоль. Гинеколог. 2-й этаж. Прием с 11.00 до 19.00».

Прочитав объявление раз, наверное, десять, хотя, надо полагать, она прекрасно знала, чем занимается мадам Бунуоль, девушка обернулась и, должно быть, не заметив Вас, постороннего наблюдателя, вошла в старинный темный подъезд. Она поднялась на второй этаж и нажала кнопку звонка. Звонok ласково тьякнул, как приветливый пес, и девушка втянула голову в плечи. Спустя минуту тяжелая темная дверь отворилась, и девушка увидела симпатичную лохматую... женщину лет тридцати пяти – сорока. Женщина улыбалась так по-домашнему тепло, что смущенной донельзя девушке тоже ничего не оставалось, как улыбнуться.

– По-моему, еще нет одиннадцати, – сказала женщина и расстегнула две пуговицы платья, – уф, как жарко! Впрочем, если вам не терпится поговорить со мной, проходите, конечно, нельзя же ждать на такой жаре. Я полагаю, это с вами я разговаривала вчера вечером по телефону?

Девушка покраснела, что послужило ответом утвердительным.

– Сколько же вам лет? – спросила женщина, склонив голову на бок и прищелкнув языком.

– В пятницу будет восемнадцать, – пролепетала девушка.

– А в пятницу какого, простите года? – засмеялась мадам Бунуоль. – Проходите в кабинет, налево. А я переоденусь.

Девушка прошла в небольшую комнату с низкой кушеткой, книжными полками и внушительного размера столом. Она присела на край кушетки и вздохнула, а антикварные часы известили о том, что на город навалился полдень, и мадам Бунуоль, следовательно, слукавила, не обнаружив часов на руке девушки. В такой день никому не хочется слушать скучные исповеди.

За стеной кто-то играл на рояле, легко и бестолково – доходил до середины мелодии и начинал сначала. На балкон напротив вышел армянин с волосатой грудью, потянулся, заметил девушку (окно кабинета было открыто настежь), зачем-то погрозил ей пальцем, и скрылся в своих апартаментах. К окну рядом с балконом подошла молодая рыжая женщина в одних трусиках, показала ленивой разомлевшей улице большую грудь и белозубую улыбку, и растворилась в полумраке комнаты. Хотелось холодной кока-колы, снять блузку, и, конечно же, любви.

Но идиллия вскоре кончилась, и девушке пришлось вспомнить о цели визита. Вошла мадам Бунуоль; теперь она была причесанная и в белоснежном халате, надетом на голое тело.

Она старалась выглядеть серьезной, что ей удавалось, можно было бы сказать, если бы не негасущие искорки в уголках умных серых глаз.

Мадам Бунуоль присела за стол и сдвинула щеки ладонями, облокотившись о стекло. Несколько секунд она, не мигая, смотрела на девушку, затем сказала:

– Итак, начнем. Мне, разумеется, не интересно знать вашей фамилии, не нужен мне и ваш адрес. Но хотелось бы услышать ваше имя. Вас зовут?...

– Жанет, – еле слышно произнесла девушка.

– Ну что же вы так сразу? – покачала головой молодая женщина, пряча невольную улыбку, для чего вытянула губы, – я еще не спросила вас ни о чем, что могло бы вас смутить. Ну, а теперь давайте начистоту. Вы хотите сделать аборт?

– Я на втором месяце, – совсем расстроилось юное создание, – я слышала, что еще можно...

– На втором месяце, – медленно повторила мадам Бунуоль, – значит, вы вкусили любовь в конце мая. Скажите мне... скажите... вот вы познакомились с мужчиной, он вам понравился, вы легли с ним в постель.

Женщина – врач в упор смотрела на Жанет, которая только хлопала ресницами.

– Вы хотя бы получили удовольствие? Это было сладко?

Реснички девушки – хлоп-хлоп, и – вниз.

– Да, тихо ответила она, – это было как во сне.

– Во сне, милочка, такого, что произошло с вами, не случается. И так, вы насладились, оделись, и один из вас ушел.

– Нет, почему же? – вдруг возразила девушка. – Мы были вместе весь день. И никуда не ходили после...

– Значит, это произошло утром, – кивнула мадам Бунуоль. – Так. А о том, что ваш любовник может стать отцом вашего ребенка вы, конечно, не думали?

– Он сказал, что не стоит ничего бояться, – почти шепотом произнесла девушка.

– Ну конечно! – всплеснула руками женщина, – он вам сказал! – лицо ее вдруг стало сердитым. – Он сказал, что это так необычайно, неопишимо! После всего вы его, конечно, не видели. Но адрес-то его вы помните? Или вы занимались любовью в вашем доме? А может быть, мсье так вскружил вам голову, что вы вовсе позабыли, в каком городе все происходило?

Девушка вдруг резко встала и направилась к выходу.

– Между прочим, я хочу вам помочь, крошечка, и больше ничего, – уже спокойно сказала мадам Бунуоль. – И я вовсе не думала над вами издеваться. Он был красив? Молод? Силен? – быстро спросила женщина. – О господи, неужели вы думаете, что я уже настолько безнадежно стара, чтобы понять вас?!

Девушка вернулась и снова присела на край кушетки.

– Он был... – начала она, – не очень молод, но такой... такой... Я любила его.

– А сейчас разлюбили? Да? – улыбнулась мадам Бунуоль.

– Нет, мадам Бунуоль, – кротко ответила девушка. – Просто я... понимаете, я не хочу доставлять ему неприятности. Он уехал в Америку преподавать в университете. Он историк. У него... он женат. А я... мне так хотелось быть с ним вместе... я обманула его.

Мадам Бунуоль вдруг задумалась о чем-то, отвлеклась, но спустя минуту, тряхнув головой, снова стала собой.

– Ах, вот оно что. Значит, он спрашивал вас на ушко, потом, может быть, даже нежно тряс за плечо и, дико смущаясь, задавал щекотливые вопросы, а вы сказали ему, что все в порядке?

– О чем вы? – не поняла девушка.

– Вы сказали ему, что приняли таблетки, так? – напрямик спросила мадам Бунуоль.

– Да, – одними губами произнесла девушка.

– Неужели никак нельзя было повременить совсем немного? Ну, сбежать в аптеку, попросить его порыться в тумбочке жены, наконец.

– Это произошло в моей квартире, – сказала девушка, – а на моей улице нет аптеки.

– И теперь, пока ваш любимый в Штатах, вы хотите замести следы вашего преступления?

– Мне очень тяжело, мадам Бунуоль. Я не понимаю, что со мной случилось, – еле дыша, пролепетала девушка, – но я знала, на что иду...

– Вы его студентка? Откуда вы его знаете? – спросила мадам Бунуоль, вытирая пот со лба.

– Но зачем это вам? – вскинула девушка свою хорошенькую головку.

– Если вы пришли сюда, то должны отвечать на мои вопросы! – жестко произнесла мадам Бунуоль, резко проведя ребром ладони по столу.

– А у него не будет неприятностей?

– Боже мой, можно подумать, что мне больше делать нечего, как устраивать неприятности любовникам моих пациенток? Ну, если хотите, не отвечайте.

– Мы познакомились на улице, – задумчиво проговорила девушка, и ее напряженное личико разгладилось. – Знаете кафе на углу, под открытым небом, недалеко отсюда? Я сидела одна и ела мороженое, а он стоял у ограды и смотрел на меня. Его все толкали, как мальчишку, а он не замечал. Наконец, примерно через полчаса, он подошел к моему столику, раскрыл портфель и достал из него мятый букет ярко-красных роз. Я, конечно, сначала лишилась дара речи, и как-то незаметно он вовлек меня в беседу. Я плохо помню, с чего он начал. У меня в голове был туман, как будто я выпила крепкого вина. Кажется, он спросил, как часто я бываю в этом кафе. Я ответила, что часто. А он сказал, что несколько дней смотрел на меня, когда проезжал мимо – выходил из машины и смотрел издали. И лишь сегодня решился подойти и заговорить со мной. Мы вышли из кафе вместе. Он возил меня за город – у него такая красивая большая синяя машина, с четырьмя круглыми фарами! И он все говорил, говорил... Рассказывал про себя, про свою жизнь. Рассказал, что недавно вернулся из Мексики. Его было интересно слушать. Мы стали встречаться... Он удирал из университета, сбегал с лекций, как плохой студент, чтобы встретиться со мной. Иногда сказывался больным и уходил на весь день. Так продолжалось две недели! А потом я узнала, что он уезжает, и пригласила его к себе...

Мадам Бунуоль, слегка раскачиваясь, двигалась по комнате, пока девушка рассказывала. Иногда она обхватывала руками голову и сильно надавливала на виски, морщась при этом, но, если бы заметил посторонний наблюдатель, слегка, может быть неосознанно, улыбаясь. Прошло довольно много времени, прежде чем она заговорила:

– Можете не продолжать. Красивая машина, хороший костюм. Немножко неловкий, но очень приятный, располагающий к себе. Худощавый, но мускулистый. Ну, продолжайте. Что было у вас дома? Как все это было?

Девушка слегка удивленно посмотрела на мадам Бунуоль, которая, казалось, была странно возбуждена.

– Ну, говорите же? Он сам вас раздевал?

Девушка опустила голову и задумалась – должна ли она отвечать на этот вопрос?

– Да, мадам Бунуоль. Сколько вам платить?

– Да погодите вы платить, – махнула рукой мадам Бунуоль, – может быть, вы вовсе не беременны. Кстати, дети у вашего прохвоста есть?

– Не надо о нем так.

– Я спросила о детях

– Он немного рассказывал мне о сыне, мадам Бунуоль. Его сын учится сейчас в Гамбурге.

Мадам Бунуоль помолчала, будто не решаясь задать еще один вопрос. Наконец, она спросила:

– Ну а про жену-то он рассказывал что-нибудь?

– Нет, ничего.

– Совсем?

– Кажется, он сказал, что она сносно готовит.

Мадам Бунуоль устало протерла глаза. Ее веки покраснели. Черт знает сколько минут они, две женщины со своими мыслями, сидели молча. Затем старшая встала из-за стола, вздохнула, подошла к Жанет и нежно взяла ее руки в свои.

– Надо раздеться, – обреченным голосом произнесла она. – Буду тебя смотреть.

Девушка беспокойно покосилась на дверь.

– Я одна, – сказала мадам Бунуоль, – стыдиться тебе некого. Эх ты! Ну, если хочешь, я отвернусь.

Мадам Бунуоль смотрела в стену и покусывала губу, пока женщина полутора месяцев от роду шуршала одеждой. По наступившей тишине врач поняла, что можно поворачиваться. Девушка стояла, скрестив руки на груди, словно в холодной деревенской бане, как будто не было двадцати восьми градусов в тени.

– Ложись, – сказала мадам Бунуоль и усмехнулась – не то нечаянно, не то нарочно. Она пристально, с интересом рассматривала обнаженную Жанет. Да, эта девушка достойна любви. Лежит, а сама в сторону смотрит. Мадам Бунуоль едва коснулась ладонью щеки девушки. И застыла на месте, представляя что-то... Минуту спустя она встряхнула красивыми пышными кудрями и начала осмотр.

Потом девушка, сопя, одевалась (о боже, зачем ей понадобилось надевать бюстгальтер в такую жару!), неловко путаясь в тонком белье, а мадам Бунуоль делала пометки в своем рабочем блокноте. Иногда она бросала быстрые взгляды на полуодетую жертву страсти и тихонько вздыхала.

– Деньги за осмотр при вас? – спросила она, нервно подергивая лицом.

– Да, конечно, – ожила девушка, – сколько?

Мадам Бунуоль назвала сумму.

– Когда мне прийти? – спросила девушка, застегивая последнюю пуговицу.

– Зачем?

– Но ведь я пришла, чтобы избавиться от ребенка, – удивилась Жанет.

– Не торопитесь, милочка, все в вашей жизни может измениться, поверьте мне, – вдруг нежно сказала мадам Бунуоль. – А впрочем, не знаю, не знаю. Конечно, это ваше дело. Не мое. Не мое, – повторила она после некоторой паузы. – Приходите четырнадцатого. Или нет, лучше на следующей неделе, семнадцатого. Обещают, что жара спадет, вам будет легче перенести это.

– До свидания, – сказала девушка, – значит, до понедельника?

– Дверь не забудьте захлопнуть, слышите?

Девушка почему-то медлила. Что-то заставляло ее стоять на месте и смотреть на мадам Бунуоль.

– Ну, идите, идите, Жанет, – замахала на нее женщина. – Сейчас приму ванну, чего желаю и вам. Что еще? В следующий раз применяйте, пожалуйста, таблетки. Могу вам дать.

– Спасибо, у меня есть, – улыбнулась девушка.

– Сейчас-то, как раз, они вам не нужны. А вообще, всегда носите с собой. Ну... счастливо.

Мадам Бунуоль долго сидела за своим рабочим столом, курила, щурилась от дыма. Думала о своем. Совсем расстегнулась, обмахиваясь журналом. Потом решительно сняла трубку и набрала номер.

Это Харрисонбург? Будьте добры, позовите профессора Поля. Что? У вас их два? Того, который на историческом факультете. Ну, конечно, француз! Что? Это Медиссон юниверсити? Так бы сразу и сказали! Извините.

Она набрала номер еще раз.

– Это Медиссон юниверсити? Будьте добры, попросите Поля Бунуоля. На занятиях? Передайте, что ему звонили из Парижа. Как это кто? Его жена! Как это, по какому вопросу? А какое вам дело?

Примерно через час в квартире мадам Бунуоль, которая уже успела принять ванну, зазвонил телефон.

– Алло! Я тебя хорошо слышу. Зачем звонила? Я хотела тебе сказать... я хочу тебе сказать, Поль... что ты забыл взять бритву. Что значит «не в лесу»? Ты так рассеян, что можешь просто не обращать внимания на собственную физиономию. Уже купил? Японскую? Да, у меня все в порядке, конечно. И сын здоров, звонил позавчера. Да, только поэтому и звонила. Не могу же я допустить, чтобы мой муж был посмешищем! Подумать только! И как это ты умудряешься со своей неряшливостью романы крутить? Да ничего я не имею в виду. Да, конечно, ты почти святой. И правда, Поль, кому ты нужен кроме меня и Антуана? Ты же совсем старый. Ну ладно, ладно, пока. Звони почаще. Что? Ах, вот как, ты еще и смеешь говорить мне, что я тебя незаслуженно обвиняю? А ты знаешь, зачем я тебе на самом деле позвонила? Чтобы сказать, что ты негодяй. Вот так. Аргументы? Ты помнишь хрупкую девочку из кафе на углу? Молчишь? Между прочим, она приходила ко мне, чтобы избавиться от твоего ребенка. Сегодня. Нет, я в здравом уме. Я до сих пор практикующий врач, а жизнь подносит иногда сногсшибательные сюрпризы, Поль. Опять молчишь. Что ж, давай помолчим вместе.

Мадам Бунуоль склонилась над трубкой, ее плечи вздрагивали.

– Что теперь будем делать? Интересный вопрос! Не знаю. Что? Ах, ты раскаиваешься... Да не говори ты ничего, не надо. Я знаю, что ты любишь меня, и это было просто минутное наваждение. И поэтому спокойно спать этой ночью ты не будешь. Пусть это послужит моим маленьким наказанием – а большое я еще придумаю. Думаю, сейчас нам нужно просто положить трубки.

Голос мадам Бунуоль все больше дрожал. Ее лицо было обращено к окну, где уже проклевывался освежающий вечер после душного дня.

– У тебя сейчас начало дня, тебе надо работать. Я никогда не умела первой положить трубку. Сделай это ты, скотина с прекрасным вкусом, и не забудь появиться хотя бы на Рождество. Впрочем, как хочешь, мне уже почти все равно. А, ты еще слушаешь, да? Ты можешь мне объяснить, что такое «сносно готовит»? Для кого я старалась, ходила на кулинарные курсы? А ты всегда говорил, что все вкусно! Не лги хотя бы сейчас, Поль! Иди же на свои лекции. Хотя плевать я на них хотела... Вместе с тобой... Еще чего... Я уже вышла из того возраста, когда плачут. Простить... Никогда... А в Париже сейчас жарко. Да, конечно, когда увидимся, ты мне все объяснишь. Почему-то мужчины думают, что могут объяснить все, даже это. Я устала, Поль, брось же, наконец, трубку, черт тебя возьми...

1989 – редакция 1998

Страна Оранжевого Льва

Посвящается детству

Все бывали когда-то в Стране Оранжевого Льва. Кто-то проездом и рассеянно, а то и с завистью провожал бешено мчащиеся по ее просторам поезда, другой задерживался в ней подольше, но рано или поздно виза кончалась у всех. Ее можно было продлить на дни, месяцы и даже годы, но большую ошибку совершали те, кто так поступали. Потому что нельзя стать гражданином Страны Оранжевого Льва. Можно лишь умереть на ее территории и только так остаться в ней навсегда. Но люди, как правило, привыкают жить и с неохотой расстаются с этой привычкой, особенно в Стране Оранжевого Льва. Поэтому всегда наступает день, когда чиновник из Службы Временного Проживания стучится рано утром в вашу дверь. Вы открываете ему, втайне надеясь, что это опять еще не он. Или радуетесь тому, что наконец-то он пришел – так бывает даже чаще. Он входит – неопределенного возраста, но скорее пожилой, роста среднего, и с немного виноватой улыбкой говорит о том, что время ваше вышло, и вы обязаны покинуть государство в ближайшие сутки. Вы, конечно, киваете, получаете документ, имея который уже не можете жить здесь, и сидите после его ухода целый вечер у окошка, и курите намного больше, чем обычно. В Стране Оранжевого Льва курить запрещено, но за этот проступок никого еще из нее не выгнали, так что запрета будто бы и нет. И какая вам теперь вообще разница?

Позже вас, возможно, будет мучить вопрос: а откуда же берутся пожилые чиновники в этой стране, если всем остальным ее жителям не может быть больше определенного возраста? Почему они остаются здесь навсегда? Вы были так потрясены моментом, когда он приходил, что не заметили оранжевого огонька легкого, но неизлечимого безумства в его глазах. А вы, и вам придется это признать – не безумец. И притвориться безумцем вам не удастся, ничего не поделаешь. Можно обмануть кого угодно, но только не Оранжевого Льва. Он видит вас насквозь, вся ваша душа отражается в его глазах, которыми смотрит на мир само его сердце. И не пытайтесь его провести!

О чем вы думали тогда, сидя с сигареткой у окна в последний вечер? О том, что страна эта вам, кажется, успела надоесть. И неплохо было бы, в самом деле, отправиться в страну другую. Конечно, вы уже привыкли, вам все знакомо, вы крепко подружились со многими ее жителями, такими же, как вы. Ведь вы еще не знаете, что эта дружба не стоит и волоска из гривы Оранжевого Льва. Да, вам надоели запреты и обилие указательных знаков на дорогах, и дороги-то сами довольно скучные – узкие, прямые, чистые. И, кроме того, по этим дорогам не разрешается ездить быстро. Тот, кто превысит скорость, изгоняется из Страны Оранжевого Льва немедленно. Это единственный проступок, который здесь не прощается. В Стране Оранжевого Льва запреты иногда необходимо было принимать во внимание. В любой стране должны быть запреты и законы. Но Оранжевый Лев мудр – он почти никогда не наказывает. Только, бывало, порычит слегка за окном, в крайнем случае, царапнет когтем по стеклу. Только превышения скорости, как мы уже знаем, он не прощает. Но по дорогам страны Оранжевого Льва нет нужды ездить быстро, потому что за вами здесь никто никогда не гонится всерьез. Погони и подножки будут потом. Так что если кто и нажал на педаль слишком резко, значит, он не мог иначе, не мог не переступить черту, так было угодно силам, которые сильнее даже Оранжевого Льва. И он это понимает и даже сильно не злится, а просто ложится у порога вашего дома и тихо рычит. Каждый понимает его без слов. Льва его временные подданные стараются не огорчать, за редким исключением. И в Стране Оранжевого Льва почти не бывает лишних людей. Ну, разве что по недосмотру Льва, очень редко. Он ведь тоже любит поспать подольше

по выходным. Или, бывает, чиновник наестся неспелой малины и станет ему нехорошо, вот он и опоздает немного. Все бывает. Для вас – бывало.

Но вы ведь еще сидите у окна и курите, верно? Вы пока не изгнанник. И курить еще не вредно, а лишь волнующе романтично. Можно и не курить, но в такой вечер, когда такой закат... Солнце величиной с полмира прямо над вашим окном. Его острый, четко очерченный на темном небе край режет горизонт, делит вашу жизнь на две – неравные – части. Раньше у солнца не было таких острых краев – оно было мягкое и не было столь красным. Оно было просто румяное, а не налитое кровью. Но вы еще не ощущаете тревоги, исходящей от непривычного солнца. Вы просто любуетесь закатом, и у вас замирает сердце, но непонятно отчего, словно это оранжевый лев силой своей еще власти над вами делает зачем-то так, чтобы у вас замирало сердце. Он придет попрощаться утром, а сейчас спит, потому что рано ложится спать, как все в его стране. Хотя можно и не ложиться спать рано. Еще можно. Утром от этого еще не будет плохо.

Потом и вы все же отходите ко сну, долго ворочаетесь с боку на бок, но, в конце концов, засыпаете. Вещи собирать не нужно – что-то вы, конечно, возьмете с собой, но почти все оставите Оранжевому Льву. Это ваше жертвоприношение ему, которое поначалу несколько не будет вас тяготить. А что будет после – это все еще в ваших розовых мечтах, и о чем вы пожалеете когда-нибудь – сейчас разве важно?

А на следующий день, перед отъездом, вы обязательно выглянете в окно, обязательно! Вы проснетесь рано, когда только-только забелеет молоком рассвет. И когда вы посмотрите туда, где вдали нежатся в утренней свежести белые медведи тумана, на самой вершине темной пологой горы увидите его. Он будет бежать огромными прыжками – рыжий исполинский зверь, сильный, ловкий, красивый. Он покажется вам величиной со сфинкса, и высокие сосны на горе будут лишь едва щекотать его брюхо. Он посмотрит в вашу сторону, издаст прощальный рык и исчезнет в ватных облаках. Тот, кто был с вами все время, кто стерёг, баловал и судил вас. Вечный повелитель самой лучшей страны, которую вы покинете через несколько часов. Больше никому не дано было этого делать! Это отныне каждый, с кем вы встретитесь, будет уверен, что вправе судить вас.

Лев исчезнет не навсегда, хотя было бы гораздо лучше, если бы вы не видели его больше. Он будет бежать за поездом до самой границы его владений. Бежать и вглядываться в мутные стекла окон, чтобы встретиться с вами взглядом. А вы будете рассеянно смотреть вдаль, и едва уловимая тоскаотяжелит вашу душу – непременно! Что же, это ваше право, смотреть в окно, да и что еще делать в пути? А право Оранжевого Льва – бежать за вами вслед. Вы думаете, ему легко расставаться с вами? Он сильно привязывается к каждому, сколько бы жителей не было в его стране. И ему очень тяжело, и потому он не может не бежать за вами, хотя поезд едет все быстрее, и Оранжевый Лев едва заметно, но отстает. И вот, когда он почти скроется из виду, ради Бога не встречайтесь с ним взглядом. Пусть вас уже разделяет огромное расстояние – не смотрите ему в глаза! Сейчас они таят опасность. Все время, когда вы жили в его стране, они охраняли вас, но в эти последние минуты они ни в коем случае не должны быть на одной оси с вашими глазами. Понимаете, Лев скоро забудет вас, даже если очень любил. У него должно быть достаточно любви на всех оставшихся и вновь прибывших, и он это знает. И вы его тоже забудете. Будете вспоминать, конечно, что был и в вашей жизни Оранжевый Лев, но глаз его, зовущих назад, вы не запомните. Если не посмотрите в них в последнее мгновение. Если будете равнодушно созерцать пятно на противоположной стене купе. Тогда в той заманчивой стране, куда вы следуете, вам будет... так, ничего себе. Возможно, вы займете там положение – это цель жизни многих, и незачем их жалеть, если они считают, что счастливы.

Но если вы сделаете то, чего не должны делать, глаза доброго животного будут преследовать и гипнотизировать вас всю жизнь. Оранжевый Лев не даст вам покоя там, где он только мешает...

Если вам слишком сильно надоест смотреть на стену купе, почитайте какую-нибудь книжку, в которой ни словом не упоминается о стране Оранжевого Льва. А там и граница – рукой подать. А Лев еще бежит за вами. Не оборачивайтесь, еще можно разглядеть на горизонте его так хорошо вам знакомую морду. Только не смотрите во впадины его глаз, умоляю!

Но пусть всю дорогу вас не покинет желание обернуться...

1991 – редакция 1998

Контакт

– В вашей стране давно не курят, сэр, – мягко упрекнул командира корабля инженер-механик, молодой швед с косичкой, перетянутой резинкой.

– Я знаю, Свен. – рука командира с сигаретой мелко дрожала. – Но вы, ребята, даже не представляете себе, как я сейчас волнуюсь. Сотни и тысячи лет люди мечтали о встрече с братьями по разуму. И нам выпала честь первыми увидеть эту планету! Может быть, мы назовем ее – Мариана, в честь моей мамы... Конечно, решать будет весь экипаж.

– Мы все сейчас волнуемся, – согласился инженер.

– Правда, мы всегда полагали, что братья ушли в развитии намного дальше нас, а выходит наоборот, – усмехнулся врач, кореец средних лет. – Конечно, интересно побывать в средневековье, но... Честно говоря, господа, я предпочел бы иметь контакт с более продвинутой цивилизацией. Хотя, прямо скажем, это было бы куда более опасно...

– Вы правы, дружище, – кивнул командир, – в нашей-то ситуации нам ничего не грозит. Самое большее, чем они пока владеют из предметов разрушения, это примитивные огнестрельные ружья и пушки. Наши защитные энергетические оболочки для них, – все равно, что железобетонные бункеры второй мировой для австралийских аборигенов. Но вот, ребята, о чем я подумал...

– Правда, правда, командир, – смущенно хихикнул врач, – думаю, что многие подумали о том же. Мы можем быть крайне опасны для них. Идти на необдуманный контакт, сразу, – бессмысленно. Мы должны изучить их – сначала как бы со стороны. Постараться понять их жизнь. Для нас это может быть забавно, но для них, – может быть чревато непредсказуемыми для их цивилизации последствиями. Если хотите знать, по моему мнению, не стоит даже близко приближаться к этой планете первое время...

– Как скоро мы можем войти в ее атмосферу? – недовольно перебил командир.

– Если мы не изменим курс и перейдем в режим торможения, то по здешним часам – минут через восемнадцать – двадцать, – ответил инженер, не отрываясь от дисплеев. – Но если отклонимся немного, будем крутиться на орбите.

– Включите носовую камеру-телескоп, – скомандовал командир симпатичной женщине, ученому, закуривая следующую сигарету.

– Слушаюсь, сэр.

Плоский объемный экран осветился изнутри, и через мгновение те, кто находился сейчас в центре управления корабля, увидели жизнь на планете, к которой стремились много лет. Там, внизу, было утро. Женщины спешили на базар, а важные сильные мужчины времен абсолютного патриархата верхом на животных, напоминающих лошадей, улыбались им, лихо закручивая усы. Немного позади базара виднелась крепостная стена, и высились шпили собора, только вместо крестов их венчали причудливые ажурные фигуры. Вдоль стены жались друг к другу жалкие лачуги бедняков, и хозяйки выливали из окон помой. А вот и базар, – люди с темным цветом кожи торгуют яркими разноцветными фруктами, розовым мясом, золотистым хлебом. Какие-то мальчишки стащили прямо из-под носа торговца кусок пирога, и тот что-то кричит им в след, размахивая кулаком. По базару бродят какие-то лохматые звери (собаки?). Вдали, на горизонте, поднимается облачко дыма, – это либо чадит харчевня, либо где-то – пожар, война...

– Господи, все как у нас когда-то, если верить истории, – тихо произнесла женщина. – Неужели эволюция не способна была привести к чему-то другому? Человек, лошадь, собака, апельсин, дыня, – неужели ничего больше? – В голосе ученого слышалось разочарование, словно ее обманули. – А затем у них обязательно будут: паровоз, электричество, атомная бомба, свои «Битлы», СПИД?

– Это лишь поверхностный взгляд, Анна, – возразил командир. – Мы ведь совсем их не знаем. Но, между прочим, не могу поверить в то, что вам так уж хотелось увидеть внизу, скажем, синих одноглазых лягушек. И, как знать, может быть, формы жизни, подобные земным, действительно всего-навсего тиражировались во вселенной, как считали профессора Троицкий и Гросс?

– Нужно ваше решение, – сказал инженер, не вникавший в ученый спор. – Прикажете начать торможение?

– Куда мы сядем? – встрепнулся командир.

– Я вижу пустыню – огромную, как Сахара. Там мы никого не потревожим.

– Ну что же... Включайте торможение! Садимся в пустыне, – осипшим голосом прохрипел командир и быстро перекрестился. – О том, как идет процесс посадки, докладывайте непрерывно. Все должны быть в курсе этого эпохального события. С удовольствием выпил бы сейчас ледяного шампанского...

Все весело заплодировали.

– О, как я вас понимаю! – улыбнулась Анна.

– Прикажете транслировать доклад на весь корабль?

– Конечно, черт возьми! Новые легионеры должны знать, ради чего они оставляли свою землю, свою религию, свои семьи!

Тонкие пальцы инженера забегали по квадратикам сенсоров, как по клавишам рояля. На десять секунд в центре управления воцарилась полная тишина. Все, почти не мигая, смотрели на непонятное им колдовство. Лицо шведа сперва было непроницаемо, но затем он вдруг сделался необыкновенно бледным, и пальцы, закончив пляску, безжизненно застыли, словно сведенные судорогой.

– Говорите же что-нибудь, Свен, – взмолился командир, почувствовав неладное.

– Что-нибудь не так? – робко спросила маленькая женщина, душа корабля – профессор Анна, межгалактический социолог.

Инженер резко повернулся в кресле, затем встал во весь рост, скрестил руки на груди и опустил голову. Заговорил он не сразу. Немного позже его слова услышали все.

– Я НЕ МОГУ ЗАТОРМОЗИТЬ И ИЗМЕНИТЬ КУРС.

В течение нескольких секунд никто не издал ни звука. Все смотрели на инженера, который, казалось, шептал молитву, обращаясь, то ли к Христу, то ли к своим древним языческим богам. Никто ничего не понимал.

– Свен... Что это значит?

– Я... я не знаю. Компьютер не реагирует на управляющие сигналы. Никакой обратной связи. Машина не слушается! Она сейчас подобна чугунному ядру, без признаков интеллекта. Я ничего не могу сделать. Если честно – мы падаем. Булыжником! В конце двадцать первого века. Как глупо...

– И...

Инженер рухнул в кресло и истерически захохотал.

– А дальше все же ясно! Через восемь-десять минут мы сгорим в атмосфере этой чертовой планеты, и то, что от нас останется, здешние жители найдут в пустыне, на месте нашей несостоявшейся высадки. Наверное, позже они сочинят о нас легенды, одну нелепее другой. Помните о тунгусском метеорите? Ха-ха! Вот и все! Угощайте всех сигаретами, командир!

– Боже! – воскликнула Анна.

– Что же вы молчите, сэр! – набросился на командира врач, – вы же должны что-то сделать! Вы же здесь главный!

– Я не хочу умирать, не могу, – вдруг тихо заплакала Анна, которая вдруг поняла, что красивая межпланетная сказка кончилась, – у меня в Москве сын, он еще маленький...

– Подождите вы! – взял себя в руки командир, не менее чем остальные, обалдевший от страшного известия. – Свен, вы точно все проверили? Это не ошибка?

Инженер молча отвернулся.

– Но ведь системы дублируются! Они не могут не дублироваться, все продумано! Немедленно переключайтесь на резервный контур! В чем дело?!

– Поздно, – отрезал Свен. – Системы не дублируются в горячем режиме, необходимо время, минут пятнадцать, не меньше, – лицо его стало злым, а кривая улыбка – болезненно саркастической. – Вы, может быть, вспомните, командир, что я говорил об этом в НАСА? Нет же, хотели побыстрее и подешевле. Проект, видите ли, и так слишком дорогой! «Система абсолютно надежна, вероятность отказа – тысячная процента!» – горько передразнил какого-то чиновника инженер. – Вот вам и тысячная, пожинайте лавры...

Четверо землян молча стояли друг против друга, приближаясь к смерти. Трудно сказать, осознавал ли кто в тот миг со всей ясностью, находясь в окружении мирно помаргивающих дисплеев, полированного алюминия и карельской березы, что жить им осталось всего несколько минут. Чужая планета на экране стремительно увеличивалась в размерах, – уже можно было рассмотреть контуры материков, синие пятна океанов, набухшие извилистые вены крупных рек.

– Я ведь не просто врач, я – военный врач, – вдруг произнес, ни к кому не обращаясь, кореец. Все посмотрели на него. Своим неожиданно спокойным голосом он давал другим людям иллюзию надежды.

– Я изучал модели последствий применения нашего оружия. Есть один выход...

– Ну же, Чон! – скрипнул зубами командир.

– Можно попробовать... Но это бесчеловечно... Нет, нельзя... Мы не можем так...

– У нас осталось четыре минуты! – крикнул Свен.

Врач снял очки и нервно заходил по комнате. Говоря, он рубил воздух рукой, как самурай – невидимых врагов мечом.

– У нас есть мощная лазерная пушка, может быть – самое ужасное оружие, существующее сейчас на просторах вселенной. Она управляется своим автономным компьютером, не связанным с системами управления. И, я полагаю, что она работает... Мы можем выстрелить в планету, как в цель, самым мощным импульсом, который может выработать наш термоядерный реактор.

– Ну и что? – безнадежно махнул рукой инженер, не хотите ли вы сказать, что...

– Никаких гарантий! Мне известны лишь результаты моделирования. Согласно им, ступок невиданной энергии прошьет планету насквозь. В считанные секунды она расколется, как яичная скорлупа, – да, господа, она просто разрушится, перестанет быть препятствием. Мы пройдем сквозь нее, как будто ее никогда не было... Возможно, корабль получит поверхностные повреждения, но, весьма вероятно, что мы останемся живы.

Шар, окутанный облаками, уже едва помещался на экране. Планета была готова к тому, чтобы поглотить корабль. Командир бросил взгляд на «Ролекс».

– Две минуты. У нас осталось две минуты. Сколько людей примерно живет сейчас на Мариане? Ну, там...

– Люди – это мы, Джон, – сказал Чон и коснулся ладонью плеча командира.

– Примерно полмиллиарда, – откликнулась Анна. – Господи! Ведь они все погибнут, если мы предпримем крайние меры! А ведь они еще дети, у них еще почти не было истории...

Свен вскочил, больно сжал запястья Анны. Она сморщилась, негромко вскрикнула.

– А у вас ведь тоже дети, Анна! И вы не хотите, чтобы ваш сын остался сиротой, верно?! У меня девушка в Стокгольме, она любит и ждет меня! И у нас еще нет детей!

Анна ничего не говорила, закрыв лицо ладонями.

– Стоит лишь набрать на клавиатуре пару слов и нажать «Enter»! Я прав, Чон?

– Мы никогда не простим себе этого. Черт меня дернул сказать вам о пушке.

– На корабле кроме нас еще три десятка человек. «Мы не можем решать за них», — сказал командир.

– Вы думаете, кто-то выберет смерть? – воскликнул Свен. – Ну! Приказывайте же, сэр!

– Они еще совсем дети, – снова запричитала Анна, – и они ни в чем не виноваты. Они даже не будут знать, отчего погибли.

– На весах – существование целой цивилизации – и наша жизнь, затерянных во вселенной посланцев одной из миллиарда среднеразвитых цивилизаций. Расклад не в нашу пользу, господа, – усмехнулся врач. – Осталось меньше минуты, – мы все равно уже не успеем.

– Я не могу отдать такой приказ, – сказал командир, – прощайте, ребята. – Надеюсь, что рай все-таки существует, хотя на небе и выше его точно нет.

Планета, названная командиром корабля, по имени его матери, Марианой, уже не умещалась полностью в окошке монитора, перестала быть шаром и превратилась в плоскость. Стали различимы города и моря, леса и горы, обжитые луга и девственные саванны. Четверо людей не произнося ни слова, тихо и торжественно смотрели на приближающийся, последний для них естественный мир. Кто знает, о чем думал каждый из них? Кто-то, конечно, думал о детях, оставшихся на Земле – и женщины, и мужчины. Кто-то мимолетными фрагментами вспоминал свою короткую еще, не вполне состоявшуюся жизнь. Жалко, черт возьми, умирать, когда совсем приблизился к тому, чего жаждало человечество, больше того – чего жаждал ты сам. Каждый из тех, кто обречено смотрел на изображение становящейся все ближе невольной планеты-убийцы, был человечеством. Человечество устроено так, что состоит оно из миллиардов маленьких эгоистичных человечеств-миров. В одной глазнице – бесчисленное множество отражений на сетчатках других глаз. И внизу, на планете, еще пребывающей в сладком сне средневековья, – конечно, кто-то уже думал об этом, но это уже не имело для них никакого значения.

Внезапно экран с изображением Марианы погас, а затем сделался ослепительно белым, будто видеокамеру бросили в чрево сталеплавильной печи. По корпусу корабля пробежала мелкая дрожь, которую каждым нервом ощутили все, находящиеся на нем. Стало тепло, и датчики температуры вдруг бестолково закивали электронными стрелками. Наконец, кроме белого на мониторах стали появляться другие цвета. Любой из людей мог бы поклясться, что никогда не видел сочетания таких красок. Огненный оранжево-красный, желтый, янтарный, рубиновый, перламутровый, угольно-черный – все они сплелись в едином хороводе на сковородке материализовавшейся преисподней. Трое мужчин и одна женщина, как зачарованные, забыв про свои прежние страхи и счеты с жизнью, смотрели на светопредставление, творившееся у них на глазах. Изображение, конечно, не вполне отражало реальность. Отфильтрованный несколькими защитными экранами и ослабляющими преобразователями, сигнал, исходящий от погибающей (вернее, уже погибшей) планеты, не мог оставить на гиперчувствительной матрице своего настоящего трагического отпечатка.

Некоторое время, быть может, доли секунды, корабль землян двигался сквозь туннель, обрамленный огненной спиралью. Казалось, это никогда не прекратится, потому что не имеет ни конца, ни начала. Но наплывающая издалека, увеличивающаяся в размерах тьма стала для людей светом в конце туннеля. Спустя мгновение, из адовой трубы корабль вырвался наружу, в черноту космоса, усыпанную звездами, и, слегка дрожа, как взбудораженный конь, продолжил скачки по прериям вселенной.

Люди с трудом поднялись с пола, распластанные в нелепых позах, хаотично разбросанные по нему, словно оловянные солдатики. Они, двигаясь как спросонья, осмотрели себя, оглянулись по сторонам. Еще никто не жаждал объяснения, – почему остался жив. Первым нарушил молчание врач. Он был бледен, его мутило и вело из стороны в стороны, как всех, но по его глазам было видно, что он больше других понимал в том, что произошло на самом деле.

Ощущения были слишком сильны, чтобы играть, лукавить. Кореец поправил халат, пригладил черные смолистые волосы, надел очки и, с восточной невозмутимостью, сдобренной тонкой, немного виноватой, улыбкой, стал говорить:

– Поздравляю вас с возвращением из небытия, господа. Великие свершения, путешествия, открытия – ничего не значат. Есть лишь одно, что решает всё. Мы – живы!!!

Надо ли говорить, что все смотрели только на него? Вообще-то, никто не требовал, да и не желал никаких объяснений. Какими могут быть объяснения для людей, уже похоронивших себя и вдруг почувствовавших себя живыми?! А между тем, он продолжил речь. Потому что нужно было сделать еще кое-что, далеко не самое простое – сказать всем правду. Джон и Чон находились рядом, но изо всех сил старались не смотреть в глаза друг другу.

– Я не рассказал вам об одной вещи, господа. Дело в том, что система обеспечения безопасности корабля настроена таким образом, что автоматически, по сигналу компьютера, связанного с многослойными датчиками, уничтожаются любые препятствия, представляющие угрозу для жизни. Теоретически, независимо от их величины. Варьируется лишь сила удара. Правда, практически это никогда раньше не применялось.

Врач шумно вздохнул, сделал над собою усилие и продолжил:

– Не было никакой надобности вводить команду для активизации пушки. В последний момент мы могли ввести в ручном режиме только одну команду – блокирования оружия. То есть мы лишь могли остановить разрушение несчастной планеты. И погибли бы сами, превратившись в ионизированный газ...

– Вы об том знали, командир, – тихо, сквозь зубы, с ненавистью прошипела очнувшаяся Анна. – Вы не могли не знать. Вы могли сохранить им жизнь. И, конечно, вы, Чон. Вы не врач, вы убийца. Вы и командир – лгуны и трусы.

– Когда нужно выбирать, нет эмоций, есть только «да» или «нет»! – рубанул врач. – Это закон жизни, Аня.

– Ради вашей жалкой жизни вы позволили машине уничтожить целую цивилизацию!

– И ради вашей жизни – тоже! И ради всех тех, кто сейчас на корабле с нами!

– Мы все – подонки. Подонки во вселенной. Неужели вы этого не понимаете?

– Не надо так, Анна, – сказал Свен, очертя в воздухе сложную кривую узкой ладонью. – Спустя минуту вы поймете, что были не правы, и будете плакать.

– Я уже давно плачу...

Командир снова закурил, выпустив плотную струю дыма. Он сразу как-то обмяк, постарел. Но мысли излагал ясно, говорил коротко:

– Нам предстоит с этим жить, ребята. Какой теперь смысл винить друг друга... Свен, переключайтесь на резервный контур. И проверьте, пожалуйста, насколько возможно, нет ли повреждений наружных систем.

– Слушаюсь, сэр!

– Как вы думаете – это была единственная обитаемая планета в Галактике?

– Вселенная бесконечна, Джон, – заметил Свен, – извините за банальность. Жизнь – бесконечна. Таких планет еще, может быть, сотни, если не сотни тысяч. В этой галактике или соседней, – какая разница? И виды, известные нам, скорее всего, действительно – тиражируются, и только. Мы везде найдем зеркало, только в одном из них увидим нашу молодость, а в другом – старость. Так что не стоит особенно убиваться, Анна. Для ваших исследований и умозаключений материала во вселенной предостаточно.

– Миллиарды сперматозоидов умирают, не дав жизни, и миллионы живых существ умирают, едва появившись на свет, – продолжил врач. – Мы же не делаем из этого трагедию. Выживает даже не сильнейший, нет! Выживает более удачливый. Помните сенсацию тридцатых годов, когда был открыт, а затем запрещен к синтезированию ген удачи? Мы с вами оказа-

лись везунчиками. Однако, бывшим жителям бывшей планеты Мариана, как назвал ее командир, не повезло...

Огромный космический корабль, краса и гордость человечества, продолжал долгое плавание по просторам вселенной. Был задействован, наконец, резервный контур, и угроза катастрофы миновала. В центр управления заходили разные люди – ученые с отчетами, технологи с предложениями, военные с мыслями. Никто кроме нескольких членов экипажа корабля ничего не знал о том, что только что была уничтожена планета с разумной жизнью. Они были слишком далеко, чтобы транслировать спуск на Землю. Записи были стёрты. Официальная версия гласила, что планета внезапно прекратила существование в силу неизвестных причин. Зачем людям знать правду... Не нарочно же они это сделали? Случайно. Так получилось. Что теперь следовало предпринять – посыпать голову пеплом, впасть в отчаяние, остановиться? Нет, все знали – нужно двигаться только вперед. Там, впереди – была вечность. Была бесконечность.

– Пойду спать, – зевнул Свен, – резервный контур включен, все системы нормально работают в автоматическом режиме, можно вздремнуть часок-другой. Честно говоря, я немного устал.

– Конечно, – кивнул командир, – идите, скоро и я последую вашему примеру. Видел Бог, было трудно.

– А тем, кто остается, я приготовлю кофе. Кому со сливками? – как ни в чем не бывало спросила Анна, кокетливо поправляя прическу.

июнь-июль 2000

Бабочка

Я был совсем один, если не считать дремавшей на стуле кошки, сидел на кухне в поношенной домашней одежде, пил пиво и смотрел в стену. Жара, мучившая всех две недели, наконец, спала, уже третий день небо было серым, и шел дождь, постукивая каплями, словно пальцами, по железу подоконника. Окно, которое оставалось открытым в течение многих дней изматывающего зноя, в тот день было наглухо закрыто, долгожданная прохлада остудила мозг и позволила собраться с мыслями.

А мысли были невеселые. Разменяв четвертый десяток лет я понял, что живу-таки не так, как хочу, а как хочу – сам не знаю. Хорошо, скажем, среднему немцу – он знает свое место. Он спокойно работает, уравновешен, вальяжен – никаких излишеств, никакого мазохизма. А тут – выть хочется. Хорошо, что давным-давно изобрели пиво – накапаешь немножко в душу и становится чуть легче.

Кошка сладко зевнула, положила голову на лапы, как собака, и с хитрым прищуром посмотрела на меня. Может быть, она думает, глядя мне в глаза – ну что тебе не живется? Всё ведь, в общем, нормально. Главное, мол, не забывай меня кормить и вовремя выливать мою миску с испражнениями. Конечно, с ее точки зрения, она права.

Внезапно кошка резко поднялась, ее спина выгнулась, хвост распушился, глаза расширились. Теперь она смотрела не в мою сторону, а мимо меня, в окно, и при этом тихо, но жутковато шипела. Я тоже обернулся и посмотрел.

На первый взгляд ничего необычного не было. За стеклом медленно махала коричнево-красными, мокрыми от дождя крыльями, бабочка. Может быть, она искала теплого и сухого места, и таким показалась ей моя кухня. Но что-то было не так. Что – я понял не сразу. А вот что – слишком ее хорошо было видно. Можно было рассмотреть ворсинки на ее узком темном теле, круглые черные, блестящие, как маслины, глаза, замысловатый, словно в калейдоскопе, сферический рисунок на крыльях. Казалось, бабочка совсем рядом, и я рассматриваю ее с помощью сильной лупы. Да, она просто была очень большая! Странно...

Сначала я не испугался, хотя почему-то сразу не встал и не подошел к стеклу близко. Впрочем, ее и так было видно во всех деталях. Бабочка покружилась еще немного за окном, настойчиво ткнулась тупой страшенькой мордочкой в стекло и улетела. Но через пять минут, когда я, пожав плечами, допил очередной стаканчик янтарной жидкости и закурил, она прилетела вновь. Теперь насекомое не касалось стекла лениво, словно подвешенная на нитке елочная игрушка, а ударялось в него немного с разлета, будто шла на таран. Кошка зашипела громче и вскочила на подоконник, воинственно барабанила по стеклу белыми лапками.

И только тогда, когда два существа оказались друг против друга, разделенные лишь прозрачной прослойкой, я с удивлением и уже с легким испугом понял, какого размера бабочка. Размах ее крыльев был равен длине туловища кошки! Минуту или две я неподвижно, как завороченный, наблюдал картину неестественного, почти беззвучного поединка между ней и моей любимицей. Может быть, они ненавидели друг друга, поэтому кошка все яростнее молотила передними лапами по стеклу, сопровождая дробь шипением и глухим рычанием, а бабочка билась о стекло напротив ее морды и, казалось, с недюжинной злостью сильно хлопало крыльями. Стекло дрожало и звенело, и мне вдруг стало жутко, холодная волна страха окатила меня с ног до головы. Я вскочил, еще не зная, что собираюсь предпринять. Если честно, мне почему-то захотелось бежать без оглядки из этой кухни, из квартиры, из дома. Но тут же стало стыдно – надо же, испугался какой-то бабочки! Стиснув зубы и ругаясь, я подбежал к окну, грубо спихнул с подоконника озверевшую кошку и сам ударил по стеклу ладонью. Бабочка отпрянула от окна, взмыла вверх и на мгновение исчезла из вида. Затем она появилась снова, зависнув перед моим лицом, и пропала уже надолго, улетев куда-то в бок. Мне показалось,

что взгляд ее черных глаз, которые, казалось бы, не должны выражать ничего, был свирепым, словно у дикого зверя, неожиданно повстречавшего на пути опасность и сопротивление.

Возвратясь к столу я закурил снова, основательно хлебнул из стакана и вдруг почувствовал приступ необъяснимой слабости во всем теле. Может быть, слишком много выпил? Нет, это вряд ли. Но всё же как-то мне было неуютно – и внутри, и снаружи. И нервы, несмотря на слабость, были взвинчены почти до предела. Я сделал два глубоких вдоха и выдоха, провел ладонью по лицу и отправился в комнату.

Там я вытащил из стенки энциклопедический словарь, нашел нужную статью и прочел, стремясь немного расширить свои скудные познания в зоологии:

«Бабочки (чешуекрылые), отряд насекомых. Крылья (две пары) покрыты различно окрашенными чешуйками. У крупных особей крылья в размахе до 30 см...Свыше 140 тысяч видов...»

Но у «моей» бабочки крылья достигали размаха сорока сантиметров, не меньше! Или я сошел с ума?

Я услышал шорох за окном и обернулся на звук. Теперь бабочка, изредка взмахивая гигантскими крыльями, ползла вниз и вверх по стеклу комнаты, словно исследовала его, искала лазейку, которой не было. Кошка тоже пришла из кухни и стояла в коридоре, вытаращив глаза, пылающие холодным огнем, внутри нее все клочкотало. Черт возьми, это начинало меня раздражать. Я с силой сдавил голову ладонями с двух сторон, будто желая поскорее проснуться. А бабочка всё ползала и ползала по стеклу, теперь не только в вертикальном, но и в горизонтальном направлении. Иногда она ударяла в него головой и крыльями, будто проверяя на прочность.

Мы противостояли ей вдвоем, я и моя кошка, существа заведомо более сильные, чем безмозглое чешуекрылое создание, но поединок мог продолжаться вечно, поскольку победить в нем в данной ситуации было невозможно. Отчаявшись попасть в квартиру с помощью этого окна, бабочка полетела к следующему, в комнате дочери. Она исследовала его так же, как два других, ударялась в него с разлету, безуспешно стремилась залезть в промежуток между рамами. Казалось, в ее действиях, уже каких-то ломанных, нетерпеливых и бессвязных, совершенно лишенных логики, было какое-то отчаяние. Мы с кошкой переходили из комнаты в комнату, били по стеклу и кричали, прогоняя ее, но тварь с завидным упорством возвращалась снова и снова, продолжая нелепые попытки прорыва. Видно было, что она начинала уставать, и ее крылья помялись, словно оберточная бумага с букетов. Устали и мы с кошкой от тягостного, необъяснимого внутреннего напряжения, которое не отпускало нас на протяжении всей схватки.

Сколько прошло времени – час, два? В конце концов, я рухнул на диван и взял в руки любимый журнал, решив больше не обращать на бабочку внимания. Кошка, видимо, сочла мои действия правильными и поступила так же – легла в кресло и отвернулась. Только заостренные и слегка повернутые в сторону окна уши зверька выдавали то, что она продолжала слушать противника.

А бабочка избрала другую тактику. Она, наверное, решила окончательно измотать наши нервы, для чего стала ударяться в стекло несильно, но со строго определенной периодичностью – точно один раз в четыре секунды. Бум, бум, бум, бум... Я подошел к музыкальному центру и громко включил радио. Очень скоро долбежка прекратилась – должно быть, слишком уж умное насекомое сообразило, что этот этап сражения оно проиграло. Теперь бабочка просто приклеилась к стеклу в самом центре среднего окна и сидела неподвижно. Дождь кончился, и ее крылья из мокрых глянцевых стали матовыми и на вид шершавыми, как наждачная бумага. Она чего-то ждала. Впрочем, понятно чего. В новостях по радио передали, что завтра в Москве снова будет жарко, температура воздуха поднимется выше двадцати пяти градусов при полном отсутствии ветра. Когда-нибудь я не выдержу осады и открою окно – наверное, так рассуждала

бабочка. Я постучал по стеклу там, где она сидела, но тварь не улетела и даже не шевельнулась. Должно быть, она уснула, потому что на город надвигался вечер. Я состроил ей рожу, затем взял мощный фонарь и направил сноп света прямо в ее глаза. Никакого эффекта! Как знать, может быть, она умерла и будет разлагаться на моем окне, пока не отвалится, не осыплется, как подгнивший осенний лист?

Не выключая радио, я врубил телевизор, заставляя себя отвлечься, успокоится. Была ли бабочка мертва или просто находилась в состоянии ночной комы, я не знал, но содрогался от одной мысли, что мне придется спать здесь, в комнате с висящей на стекле мумией огромного насекомого. Почему она не падала? В два часа ночи я постелил себе в детской комнате на узкой короткой кровати, кое-как уместился на ней, свернувшись калачиком, но заснуть все равно не мог. Неодолимая сила заставляла меня все время оглядываться на окно – мне казалось, что бабочка вот-вот прилетит сюда и приклеится на стекло здесь, не смея оставить меня без своего присутствия. Один раз, уже проваливаясь в сон, я совершенно отчетливо увидел ее темный силуэт на стекле и с воплем вскочил, схватил, как дубину, железную игрушку-волчок. Не сомневаюсь, что если бы бабочка действительно оказалась здесь, я в отчаянии разбил бы окно. Но бабочки на стекле не было. На всякий случай я сходил в большую комнату. Она висела все там же неподвижной кляксой в синем сумраке ночи. Я сходил на кухню и выпил полрюмки валерьянки. Завтра я тебе устрою, гадина, – думал я, – посмотрим, кто кого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.